

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

СЕРГЕЙ АНТОНОВ
ВЫСШАЯ СИЛА



FUTURE CORP.

Сергей Валентинович Антонов
Метро 2033: Высшая сила
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63069168

Сергей Антонов. Метро 2033: Высшая сила: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-123548-2

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Кто же такие Невидимые Наблюдатели? Рыцари в сверкающих доспехах, готовые прийти на помощь обитателям Метро в трудную минуту? Просто летописцы, фиксирующие слабые

попытки человеческой цивилизации выжить в условиях ядерной зимы? Или кукловоды, ловко манипулирующие генсеками, фюрерами, другими лидерами метрогруппировок и способные в любой момент захватить власть над московской подземкой?

Баек и фактов, предположений и слухов, окружающих тех, кто живет в тени секретных бункеров объекта Д-6, предостаточно. И разобраться, где ложь, а где правда, способен лишь тот, кто презирает опасность и верит в справедливость – мечтатель и боевик, верный товарищ, любящий муж и отец Анатолий Томский.

Содержание

ЗАГОВОР ЭЛИТ	8
Пролог	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	18
Глава 1	18
Глава 2	33
Глава 3	46
Глава 4	60
Глава 5	72
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сергей Антонов

Метро 2033: Высшая сила

© Глуховский Д. А., 2017

© Антонов С., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – *Дмитрий Глуховский*

Главный редактор проекта – *Вячеслав Бакулин*

Оформление обложки – *Михаил Пантелеев*

Карта – *Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

* * *

«Томский? Да нет, не только он. Новое задание оказалось настолько важным и сложным, что автору, Сергею Антонову, пришлось трубить общий сбор. В итоге на старницах его нового романа вам встретятся и Юрий Корнилов, И МАкс Добровольский, и Вездеход с Шестерой, и другие знакомые по рпедыдущим книгам персонажи. Томский? Ну и Томский, разумеется».

Дмитрий Глуховский

* * *

*Таинственной Музе?О.?К.,
без помощи и поддержки которой
эта книга была бы написана
в два раза быстрее,
посвящается.*

* * *

Конституция – основной закон государства, особый нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу.

ru.wikipedia.org

Мэр Москвы Юрий Лужков обнаружил под Большим театром 10-сантиметровых белых тараканов. Отвечая сегодня на вопрос журналистов, как река Неглинка, протекающая под фундаментом Большого театра, влияет на его состояние, Лужков сообщил, что тараканы – это «единственное, что там является страшным».

ИТАР-ТАСС

*Я пойду гулять по гулким шпалам,
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом*

Рельс бегущих нить.

Николай Гумилев, «Оборванец»

*** * ***

ЗАГОВОР ЭЛИТ

Объяснительная записка Алекса де Клемешье

Масонские ложи, иллюминаты, серый кардинал, Большой Брат, тайное мировое правительство, Невидимые Наблюдатели...

Во все времена существовали адепты конспирологии, свято уверенные в том, что теория заговора – вовсе не фантазия. Любое значимое событие – как достаточно логичное, так и не вполне объяснимое – истолковывалось ими как очередное доказательство жестокой и циничной игры, которую ведут теневые правители. Отказался ли от престола средневековый европейский монарх, сменился ли вождь в африканском племени, свершилась ли революция в маленькой южноамериканской стране, началась ли затяжная война на Ближнем Востоке – все это, по мнению конспирологов, произошло не просто так. Все это случилось лишь потому, что кто-то могущественный и не афиширующий себя дернул за ниточки – и послушные марионетки, уверенные в собственной независимости, исправно переместились на нужную клеточку, сказали и сделали то, что выгодно их властелину. Генсеки, императоры, президенты и фюреры – не более чем фигуры в чужой шахматной партии.

Но так ли это на самом деле?

На фоне политических дрязг, закулисных интриг и борьбы за власть в Древнем Риме вдруг происходит восстание рабов – это тоже часть игры? Или могущественные властелины, увлекшись расстановкой крупных фигур, упустили из виду одну-единственную пешку, которая пошла поперек установленных ими правил?

А Жанна д'Арк – тоже чья-то марионетка? Или неучтенный фактор?

А операция в заливе Свиней закончилась позором для инициаторов, потому что в дело вступил еще один невидимый игрок? Или потому что нельзя недооценивать тех, кем ты пытаешься манипулировать?

Существует немало исторических примеров, снято множество фильмов и написано огромное количество книг о том, как маленький человек идет против системы. Результат всегда непредсказуем: иногда герой побеждает, в ряде случаев жернова системы хладнокровно перемалывают его, подчас все усилия героя оказываются напрасными, а бывает так, что он и сам становится частью системы. Интересно, какой же вариант предлагает нам Сергей Антонов в своем новом романе? И будет ли дан окончательный и однозначный ответ на вопрос, кто же такие Невидимые Наблюдатели?

Пролог

– С вашими ухватками, господа хорошие, мы придем к брежневскому застою. – Негромкий, но привыкший повелевать голос с манерой медленно и четко проговаривать каждое слово принадлежал сидящему во главе стола человеку, лицо которого скрывалось в тени. – А подобные застои, как вам известно, заканчиваются революцией. Мы ведь не хотим революции в Метро? Отбой.

Играли в подкидного. По парам. Карты бесшумно скользили по лакированной поверхности столешницы из красного дерева, в центре которой горела одна лампа под зеленым стеклянным абажуром. Ее мощности хватало лишь на то, чтобы освещать стол, горку битых карт и игроков – одинаковые черные рукава пиджаков и манжеты темно-синих сорочек. Сорочка главного отличалась от остальных – на ее манжетах черными нитками была вышита буква W.

– Революции у нас уже были, генерал. Вспомним катавасию со станцией имени Че и рублевскими беспорядками. Они ведь пошли нам на пользу. Или я ошибаюсь?

Вопрос задал человек, сидевший по левую руку от того, кто затронул тему застоя. Он говорил гораздо громче; судя по эху, помещение, в котором беседовали за игрой в карты шестеро мужчин, было приличных размеров.

– Ни пользы, не вреда, драгоценнейший Алексей Фелик-

сович. Мышиная возня.

Третий собеседник был дряхлым стариком. Его возраст выдавал не только скрипучий голос, но и трясущиеся руки.

– Хватит и того, что мы держали все под контролем. – Четвертый игрок раздвинул карты веером и свернул их в стопку. – Манипулирование этой треклятой подземкой – вот главное. Двадцать лет мы дергаем за ниточки, на которых подвешены все эти генсеки, торгаши, фюреры и прочая шушера. Они делают то, что надо нам, и при этом раздуваются, как шары, от осознания собственной значимости. Лично я доволен таким положением дел.

– Гм... Как летит время! Хорошо помню первые дни, когда все мы думали, что бардак надолго. А ведь все пришло в норму всего за несколько месяцев. Болото... Болото, в которое швырнули пару десятков камней с ядерными боеголовками. Хлюп, хлюп, хлюп. Круги и... Все то же болото. – Пятый собеседник был явно настроен на философский лад. – Думаю, в больших реформах необходимости нет. Если сменить патроны на другой вид взаиморасчетов... Э-э-э... Небольшая денежная реформа...

– Все высказались? – Генерал швырнул карты на стол рубашками вверх. – Старые пердуны! Я не о возрасте, а о мышлении! Денежная реформа, мать вашу! Какая реформа?! Через пару месяцев реформировать будет нечего, а вы все еще тешите себя байками о каком-то контроле. Время Невидимых Наблюдателей истекло. Мне докладывают о том, что на

разных станциях появляются пришельцы из-за МКАДа. Они рассказывают о том, что вполне комфортно живут за пределами Москвы. Пока все это звучит как сказки. Но только пока. Обитатели Метро рвутся на поверхность. Скоро мы не сможем удерживать людей под землей, заставляя их сражаться между собой и видеть в мутантах лишь врагов. За двадцать лет идея себя изжила. Играть в прятки больше нет смысла. Чтобы удержать власть, нам следует... Да. Заявить о себе во всеулышание!

– Взять власть официально? – продребезжал старик. – Мысль, конечно, интересная, но... Вы уверены в том, что нас поддержат? Где гарантия, что пойдут за нами, а не за каким-нибудь горлопаном, проповедующим всеобщее равенство и братство? Переворот? Это надо как следует обмозговать. Заканчивать партию будем или как?

– Будем. – Генерал снова говорил тихо. – Туз. Две дамы. Все уже обмозговано. Я консультировался с ведущими аналитиками тайного правительства. Никакого захвата не будет. Мы выступим как законные преемники российских властей.

– Взят, – вздохнул старик. – А с чего бы людям считать нас законными преемниками? Основания...

– Две шестерки. На погоны, как говорится. М-да, основания. Ле-ги-тим-ность. Нам обязательно надо ее подтвердить. Без этого не стоит и огород городить.

– А что, есть верительные грамоты от последнего наземного правительства? – хохотнул Алексей Феликсович. – От-

куда им взяться? Все, включая гаранта Конституции, драпали в подземные норы с такой скоростью, что завещание, увы, никто не составил.

– То, что вы в шутку называете верительными грамотами и завещанием, существует. Будь моя воля, я приказал бы доставить сюда скипетр и державу, но нам потребуются другие символы власти. Те, которые хоть и забыты, но до сих пор способны внушать массам уважение к власти. Мы должны, даже обязаны владеть тем, что делает сильных мира сего сильными.

– Это интересно. – Старик неспешно собрал карты в колоду и принялся ее тасовать. – Скипетр и держава. Символы. Вы имеете в виду...

– Да. Два последних года усилия наших оперативных служб были направлены на то, чтобы собрать все регалии российской власти. Кое-что добыть удалось. Что-то придется поискать. Признаться, на данный момент меня больше всего интересует Конституция Российской Федерации. Ее главный экземпляр. Книга, переплетенная в тончайшую кожу варана красного цвета с серебряным накладным гербом. По нашим сведениям, незадолго до Катаклизма ее перенесли из библиотеки президента в кабинет Сенатского дворца.

– Кремль. Чертов Кремль. С ним одни проблемы, – проворчал Алексей Феликсович. – Биологическое оружие, которым бахнули по Кремлю в тринадцатом, так и не удалось идентифицировать. При попытках исследовать это место мы

потеряли кучу лучших людей. Пробовали ведь и с поверхности, и через обычные станции Метро, и через наши секретные туннели Д-6. Результат один и тот же. Люди исчезают бесследно, а вместо них через все дыры прет эта мерзость. Биомасса. Сколько подходов к Кремлю пришлось взорвать и забетонировать? Лично я уже и подсчитать не могу. Главный экземпляр Конституции эрэф – хорошо. Но есть ли уверенность в том, что за кремлевской стеной хоть что-то осталось?

На несколько секунд воцарилась тишина. Слышно лишь было поскрипывание стульев да астматическое дыхание старика, который закончил тасовать колоду и тискал ее пальцами.

– Есть одна хорошая поговорка: языком болтать – не мешки таскать, – прошипел генерал. – Сдавайте-сдавайте. Чтобы узнать о том, что происходит за кремлевской стеной, надо за ней побывать. Сдается мне, Алексей Феликсович, что рассказы о достижениях возглавляемой вами оперативной службы сильно преувеличены. Раньше вы так рьяно не заботились о своих лучших людях. Я не настаиваю на том, чтобы в Кремль отправились наши. В вашем распоряжении все ресурсы Метро. Найдите исполнителя. Наймите какого-нибудь толкового отчаюгу. А если постарели – так и скажите. Мы подыщем вам более легкую работу.

– Просто просчитываю варианты, – пробурчал руководитель оперативной службы. – Возможно, пора заняться, наконец, настоящим делом господину перебежчику и его питом-

ду, этому Че. До сих пор Ахунов даром ест свой хлеб.

– Чересчур рискованно. Этот ваш Че, как мне известно, не поддается контролю. Мало ли какой фортель выкинет? А времени нет совсем. Рекомендую оставить Че в качестве запасного варианта, так сказать, плана «Б». В любом случае через неделю главный экземпляр Конституции должен лежать передо мной на этом столе. Это – приказ. И он не обсуждается. Что касается кремлевской биомассы, то...

Генерал щелкнул пальцами. Послышались шаги. Правая рука главы тайного правительства нырнула в темноту и появилась в круге света с контейнером, состоящим из пробирки, помещенной в стальной каркас. Пятнадцать сантиметров в высоту, десять в диаметре. За толстым стеклом пузырилась бурая масса.

– Это – единственный образец. Нам удалось соскрести субстанцию с губ одного одержимого. Те, кто это сделал, только и успели, что передать контейнер. Потом и они стали одержимыми. Всех пришлось... утилизировать.

Генерал постучал по стеклу пробирки. Биомасса моментально отреагировала. Сменила цвет с бурого на ярко-красный и забурлила.

– Рвется наружу, – благоговейно прошептал старик. – Рвется наружу. Зачем ее принесли сюда? Неровен час...

– Ерунда. Уверен, что нам ничего не грозит. А принесли ее сюда потому, что она может пригодиться экспедиции.

– Каким боком? – буркнул Алексей Феликсович. – При-

вивку ею сделать, что ли?

– Вам решать, как использовать образец. Шевелите мозгами. Надеюсь, что они есть не только у биомассы, но и у вас. Задачу я обозначил. Действуйте.

– Играть-то будем? – поинтересовался кто-то.

– На сегодня хватит с нас игр. Займемся делами. – Генерал встал. – Кстати, о мозгах и играх. Освоить подкидного дурачка – дело нехитрое. Думаю, если кто-то из вас играл во что-нибудь более интеллектуальное, скажем, в бридж, проблем было бы на порядок меньше. Все свободны.

Вспыхнул свет. Помещение оказалось круглым залом с высоким, подпертым шестью мраморными колоннами потолком. Все здесь дышало не свойственной Метро роскошью. И громадная люстра с хрустальными подвесками, и шесть украшенных деревянной резьбой дверей, и зеленый с красными кантами ворсистый ковер, и овальный, тяжело-весный стол, и стулья с высокими спинками, и карта Метро, сделанная на оргстекле, закрепленном на никелированных стойках.

От обычных карт она отличалась тем, что привычные линии московской подземки пересекались черными линиями Метро-2, станции которого были обозначены желтыми кружками и не имели названий.

На стене красовался большой, диаметром в метр, герб России, на котором вместо центральной царской короны была такая же литера W, что и вышитая на манжете генераль-

ской сорочки.

Включивший свет охранник был одет во все черное. Он собрал разбросанные по столу карты, выключил настольную лампу и протянул руку к контейнеру с биомассой, однако так его и не коснулся. Сел на стул и уставился на бурлящую субстанцию. Прошла минута. Другая. Когда охраннику наконец удалось оторвать взгляд от контейнера, он выглядел как человек, который только что проснулся. Вставая, он покачнулся и оперся рукой на стол.

– Мерзость. Вот мерзость. Да что же ты такое?!

Биомасса, словно поняв, что загипнотизировать охранника не удалось, перестала бурлить. Цвет ее постепенно сменился с красного на бурый. Субстанция не тратила свою черную энергию попусту. Она выжидала. Ждала своего часа, чтобы при первом удобном случае вырваться из стеклянной клетки и, пожирая разум и тела людей, разбухать и расти, растекаться, поглощая все новые и новые жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕРНУТЬ СЕБЯ

Глава 1

Депрессия

– А потом, когда свечи потушат и кошмары придут на постель, те кошмары, что медленно душат, я смертельный почувствую хмель...

Вздыхнув, Томский закрыл затрепанный томик стихов Гумилева и сунул его в карман. Дунул на свечу. В темноте прислушался к размеренному дыханию спящей жены и посапыванию сына Лешки. Они спят. Отдыхают и набираются сил для нового дня. А он... Не видит никакого смысла ни в новом дне, ни в том, чтобы ему радоваться. Ведь все будет так же, как вчера. Он будет помогать кому-то из мастеров. Обедать и ужинать. Говорить с друзьями. Делать вид, что ему что-то интересно. Даже улыбаться шуткам.

На самом же деле Толик пребывал в глубокой депрессии. Не знал точно, когда она началась, и не имел ни малейшего понятия о том, когда она закончится. Он потерял себя, погряз в ежедневной рутине. Слился с серой массой хороших, в общем-то, но таких безликих людей.

После захвата станции имени Че Гевары красными какое-то время пытался корчить из себя прежнего Томского. Лидера. Анархиста. Мечтателя. Но все это выглядело слишком фальшиво, чтобы продолжаться долго. Он мог обмануть кого угодно, но только не себя. В театре одного зрителя и одного актера сложно лукавить.

Вслед за Русаковым и его бригадой Анатолий с семьей перебрался на Автозаводскую. Город Мастеров встретил Томского с распростертыми объятиями – как-никак, в свое время он оказал станции неоценимую услугу, вот и теперь от него все чего-то ждали. Нововведений? Революций? Выступлений на митингах? Влезания на броневик с обещаниями мира станциям, свинины голодающим, воли анархистам? А он не хотел ничего, кроме покоя.

В конце концов Толик перестал участвовать в построении планов, которыми увлекались настоящие бойцы вроде комиссара Русакова, и незаметно и постепенно отошел от дел, сославшись на семейные хлопоты и прочую дребедень.

Боялся признаться не то что друзьям, а даже самому себе в том, что утратил веру в результативность какой бы то ни было борьбы. Метро – не место для мечтателей. Главный его девиз начертан на многочисленных табличках, оставшихся от прежних времен. Выхода нет. И этим все сказано. Можешь дергаться, трепыхаться, но... Только в пределах длины ниточек, на которые тебя подвесила злодейка-судьба.

В конце концов комиссара Русакова избрали начальником

станции. Толик в голосовании не участвовал и лишь потом вскользь упомянул, что Город Мастеров сделал достойный выбор, хотя сам в этом сомневался. Комиссар был отличным бойцом, но хорошего снабженца, а уж тем более гибкого политика из него могло и не получиться.

Томский встал и осторожно, стараясь не наткнуться на мебель, добрался до двери.

Станционный зал Автозаводской был погружен в полумрак, разбавленный тусклым желтым светом ламп дежурного освещения. Совсем недавно ими заменили треноги, в которых горело машинное масло. Дышать стало легче, но электричество экономили, и каморки по-прежнему освещались плашками с маслом или самодельными свечами. Так что, по большому счету, жизнь людей светлее не стала.

Темные очертания станков и верстаков, обычные ночные шумы: храп, поскрипывание сапог часовых, приглушенные голоса тех, кто еще не улегся... Все как всегда. Это было вчера, будет завтра. Безнадега, мать ее так. Безнадега...

Анатолий вытащил из кармана кисет. Свернул самокрутку. Затянулся. Гм... Он начал курить потому, что стал набирать вес. Хреновое, не выдерживающее критики оправдание. С весом нужно бороться в качалке. И Елена не раз с насмешкой говорила ему об этом. Толик соглашался и... Ничего не делал. Он становился метромужиком. Обычным, в меру пьющим, курящим, без особой охоты работающим, обрастающим жирком и обремененным заботами о семье мет-

ромужином. О господи, это же во сто крат хуже, чем быть гэмэчелом!

Томский тихо выругался. Швырнул окурок на пол и старательно, даже с остервенением растер его носком сапога так, словно давил змею. К чертовой матери и его же бабушке все. К свиньям собачьим, к собакам поросячьим и другим разновидностям мутантов... Он идет спать, дрыхнуть, давить подушку в надежде хоть во сне почувствовать себя прежним Томским.

– Это – пиявка. Большая, жирная и гадкая пиявка, главный смысл существования которой в том, чтобы жрать, жрать, еще раз и снова жрать. Постоянный и неутолимый голод – единственное чувство, которая она испытывает. Жрать. Жрать. Жрать...

Тихое бормотание доносилось из-за станины здорового, как мамонт, токарного станка. Толик сразу узнал голос. Конечно, Данила Громов. Перестав общаться со старыми друзьями, Томский неожиданно обрел нового – полуслеплого мужчину, появившегося на Автозаводской некоторое время назад.

Томский так и не смог понять его до конца. У Громова были проблемы не только со зрением. Он частенько впадал в прострацию, заговаривался. Нес полную ахинею. Зато в моменты просветления говорил языком, выдававшим в нем потомственного московского интеллигента. Его рассуждения на любую тему всегда были четко структурированы и

железно аргументированы. Настолько, что возражать Даниле было весьма и весьма затруднительно.

И все-таки Толик любил поспорить с Громовым. Это было, пожалуй, единственным, что он делал без напряжения в последнее время. Из этих бесед Томский узнал, что до Катаклизма Данила был известным журналистом, жил в престижном, старой постройки, доме на Кутузовском проспекте. Увлекался историей Кремля, его сокровищ и кладов, скрытых в хитросплетениях подземных лабиринтов старой Москвы.

– Храм Соломона и Купол Скалы – для мира. А наш Кремль – для России, – заметил как-то Данила. – Там и до Катаклизма было просто фантастическое нагромождение тайн, а уж после... Поверьте мне, если кому-то удастся выбраться из общей жопы, в которую мы все попали, поиски Святого Грааля и Ковчега Завета продолжатся. Каждый человек в глубине души диггер, жаждущий открывать все новые и новые потайные туннели. Найдутся и энтузиасты, которые снова и снова станут искать под Кремлем – клады, библиотеку Ивана Грозного... Все это будоражило и будет будоражить умы. И ничто этого не изменит.

Иногда Томскому удавалось разговорить Данилу настолько, что тот начинал высказывать свои взгляды на учение Кропоткина и Бакунина, на возможность построения справедливого общества если не во всем Метро, то хотя бы на отдельной станции.

– Вы уже попробовали? Ну и будет! Утопия. Уже само по себе наше Метро настолько искусственное образование, что никакие законы общественного развития здесь работать не будут. Человеческое существо создано для того, чтобы жить на поверхности. Видеть восходы и закаты, чувствовать кожей ветер. Только там и можно говорить о свободе. Бороться за нее. А здесь? Разве можно быть свободным в подземной клетке? Утопия и еще раз утопия!

Однако больше всего Данила любил рассказывать о секретах Кремля. В этой области знания его были просто энциклопедическими. Старинные и современные названия башен, расположение и история храмов, количество и имена колоколов, главные экспонаты музейных экспозиций и многие другие детали он знал назубок и говорил обо всем этом взахлеб. В такие моменты глаза его загорались, морщины разглаживались, а голос звенел, как гитарная струна, тронутая пальцем музыканта-виртуоза.

А еще Громов явно кого-то боялся. Совсем как Билли Бонс из «Острова сокровищ», он в минуту откровения попросил Анатолия сообщать о появлении на станции незнакомых людей. Ждал свою черную метку, что ли? Прихода своего личного Черного Пса или Слепого Пью? Кто знает...

Томский обошел вокруг станка. Громов сидел, прижавшись спиной к станине и, обхватив колени руками, бормотал о том, что кто-то кого-то будет жрать. Услышав шаги, он поднял голову. Черты лица Данилы были правильными, но

весь вид портили красные круги вокруг глаз. Было ему не больше пятидесяти. В черных волосах только-только начали появляться седые пряди. Чуть выше среднего роста, крепкого телосложения, он был бы в расцвете сил. Был бы... По всему чувствовалось – в жизни Громова произошло что-то, сделавшее из него старика. Мгновенно и навсегда.

– Анатолий?

– Я...

– Заблудился. Я заблудился. Не смог отыскать свою клетушку. В трех соснах запутался... Затмение какое-то нашло, знаете ли... Вышел на платформу и... Не смог вернуться. Темновато здесь. Вы не находите?

Громов прижал указательные пальцы к вискам и оттянул кожу так, что глаза превратились в щелки. Так он, должно быть, пытался фокусировать зрение.

– Бывает. – Томский протянул Даниле руку, помогая ему встать. – До вашей клетушки всего десятков шагов. Я помогу добраться.

Через десять минут Громов, обхватив обеими ладонями алюминиевую кружку, жадно глотал заваренный Томским грибной чай. Толик, забыв о войне, объявленной табаку, курил, дожидаясь, когда Данила окончательно придет в себя.

Громов шумно выдохнул, поставил пустую кружку на стол.

– Ну вот. Мне лучше. Значительно лучше. Спасибо, Анатолий. Было бы нехорошо, если бы утром меня нашли там,

на платформе. Я и так доставляю приютившим меня людям массу хлопот. Да. Нехорошо...

– Ерунда. Какие уж там хлопоты. Мне еще побыть с вами или собираетесь спать?

– Нет, сегодня я уже не усну. Может, продолжим нашу дискуссию? На чем мы остановились?

– На том, что Метро является искусственным образованием, подземной клеткой, в которой говорить о свободе могут лишь дураки.

– Грубо, но очень точно. Вы сформулировали мою идею в двух словах. – Данила улегся на узкую кровать у стены и прикрыл глаза. – Bravo, Томский. Всегда завидовал людям, умеющим выражаться лаконично и не впадать в словоблудие, присущее всем интеллигентам. Мы ведь, чего греха таить, великие софисты. Умеем с помощью большого потока слов и витиеватых фраз выдавать желаемое за действительное, а черное – за белое. Продолжайте, друг мой, продолжайте.

– Поскольку поверхность для нас пока закрыта, то и трепыхаться нет смысла.

– Вы упустили из виду главную деталь. Мы говорим об искусственном образовании. Рукотворном. Кто-то ведь выстроил жизнь в Метро такой, какая она есть. И, возможно, этот кто-то так же искусственно и искусно дозирует информацию о том, что происходит на поверхности. Все мы привыкли считать происходящее здесь неким броуновским движением. А если порядок все-таки существует и кем-то под-

держивается? Перестаньте, Анатолий, мыслить туннельными категориями и упираться головой в тубинги на потолке. Не пробовали взглянуть на проблемы шире?

– Не пробовал, – покачал головой Толик. – Не до этого было...

– Вот именно! – Громов поднял указательный палец к потолку. – Всем нам не до этого. Куча мелких дел не позволяет видеть главного. Суета сует. Откуда мы взяли, что поголовно все мутанты – кровожадные твари и лютые враги человека? Почему решили, что жить на поверхности невозможно? Кто сказал, что за пределами МКАДа нет жизни? Кто придумал, что наша златоглавая была и остается центром мира, а ее воюющие подземные коммуникации – землей обетованной?

– Так ведь это прописные истины! – пожал плечами Томский. – Люди живут и за МКАДом, но значительно хуже, чем в московском Метро. Рублевка вот...

– Рублевка – худшая из версий Москвы! Обиталище жирных котов и толстозадых кошек, которые никогда не знали вкуса воды из-под крана! Прописные истины, прописные истины... Кто эти истины прописал?! Кто внушил, что все обстоит именно так, а не иначе?!

– Вы считаете, что Метро управляет некая мощная и невидимая сила?

– Ничего я не считаю. Думайте и анализируйте сами. У вас для этого есть все данные: голова на плечах, молодость и уже большой жизненный опыт, пришедший на пару с сединой. А

Москва... Несмотря на всю мою к ней любовь... Она всегда высасывала из людей жизнь, делали их рабами, подчиняла своим законам. Заставляла двигаться по глубокой, наезженной столетиями колее. Так было и в лучшие времена, а сейчас – тем более. Знаете, Томский, на вашем месте я бы бежал отсюда куда глаза глядят. У вас ведь все впереди, если, конечно, не выберете в качестве нормы жизни пессимизм. Как бы пафосно это ни звучало, но надо, обязательно надо бороться и искать, найти и не сдаваться. Сматывайте удочки при первом удобном случае.

– Признаться, я и сам подумывал об этом, – вздохнул Толик. – После того как красные отбили у нас станцию и я пришел сюда, все кажется мне бессмыслицей. Думаю, то же происходит и с моими друзьями. Вездеход где-то постоянно пропадает, Корнилов вон спивается, а Русаков превращается в какого-то средней паршивости чиновника-функционера. Только вот куда идти?

– Если задаться целью, и это можно узнать. Мне, например, доводилось встречать людей из Подмосковья, которые наведывались в Метро вовсе не для того, чтобы остаться. Их дом был там, а не здесь. Сюда они приходили, чтобы раздобыть ресурсы, которых им не хватает. И уйти...

– А почему же тогда сами не ушли, раз все так понятно?

– Слишком увяз в этой трясине, состоящей из туннелей и человеческих амбиций. Меня отсюда не выпустят.

– Кто? Та сила, которая на самом деле управляет Метро?

Данила вдруг вскочил, бросился к двери, приоткрыл ее, чтобы выглянуть на платформу, и вернулся на кровать.

– За последние дни на Автозаводскую никто не приходил? Никто про меня не спрашивал?

– Вроде нет. Все как обычно.

– Не забудьте предупредить меня, если заявится кто-то подозрительный.

– Не пора ли, Данила, рассказать о том, кого вы так боитесь? Если я буду знать, мне легче будет защитить вас.

– От них невозможно защититься, нельзя спрятаться! – Громов говорил полупшепотом и не смотрел на дверь, словно опасаясь, что в каморку вот-вот войдет непрошенный гость. – Если попал к ним на крючок – уже не соскочишь... Так что рано или поздно за мной придут.

– Станция предоставила вам убежище, и комиссар Русаков никому не...

– Да плевать им на Русакова! Если им что-то надо, они возьмут, и точка!

– Данила, да о ком же вы?!

– Разбухает, – ответил Громов глухим, замогильным голосом. – Поедает тела и разум. А звезды – с ней заодно. Когда пиявка набирается сил, они горят ярче. Если монстр впал в кому от голодухи – гаснут. Но только на время. Уничтожить полностью ее нельзя. Где-нибудь, да останется микроскопический фрагмент, обрубочек щупальца этой твари. И все начинается заново. Пиявка. Звезды. Пиявка. Замкнутый

круг. Бомбу. Только атомную бомбу. Если ее сбросить точно в цель, может быть, тогда все закончится...

Томский не сразу сообразил, что на Громова нашло очередное затмение. Он дождался, когда Данила вдоволь наговорится на свою коронную, касающуюся пиявки тему, и бережно укрыл бедолагу одеялом. Громов наконец уснул. Беспокойным, судя по дергающимся векам и шевелящимся губам, сном.

Выйдя на платформу, Анатолий принялся мерить шагами промежуток между двумя верстаками, размышляя над тем, что говорил Данила.

А ведь он был прав! За два десятка лет Метро обросло законами и правилами, постулатами, которые воспринимались всеми как истина в последней инстанции. Это – хорошо, это – плохо. Это можно, это – нельзя. Возникли эти законы сами или у них был автор? Если предположить, что такой законотворец существует, то где гарантии того, что его цель – улучшение жизни людей, загнанных радиацией под землю? Благими намерениями...

Томский снова закурил, пообещав себе, что эта самокрутка будет последней.

Черт с ним, с автором! Другое замечание Данилы взволновало его куда больше: люди вполне комфортно чувствуют себя и на поверхности, за пределами Москвы. Город высасывает жизнь... Может, как раз из-за этого он чувствует себя пустым, как барабан? Может, навалившаяся апатия – след-

ствие того, что он давно вырос из коротких штанишек Метро и сейчас просто топчется на месте, потому что... Место его давно не здесь!

Анатолий был настолько взбудоражен, что от намерения отправиться в дорогу прямо сейчас его удерживали лишь мысли о семье. Он уже не один и путешествовать налегке не сможет. Если уж идти, то нужно точно знать куда. Иметь снаряжение, запас продуктов, а может быть, даже что-то из транспорта.

Что ж... По крайней мере, цели определены, задачи ясны. Он уйдет из Метро вместе с Леной и Лешкой. Хорошенько подготовится и уйдет туда, где его не будут душить своды туннелей и закопченные потолки станций, где можно будет видеть больше, чем на сотню метров, где он сможет вернуть себя прежнего.

Томский присел на табурет у верстака, вытащил свою книгу, но в полумраке не смог различить ни буквы. Пришлось напрячь память:

*Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы...¹*

Не успел Толик прошептать эти слова, как услышал шар-

¹ Н. Гумилев, «Капитаны».

кающие шаги. Громов подошел и сел рядом с ним.

– Невидимые Наблюдатели. Так их называют те, кто верит, что в самую трудную минуту придут на помощь супермены, некие воины света... Никакие они не воины и не супермены, Анатолий. Всем здесь верховодит правительство. Чиновники и военные высшего ранга, которые раньше других людей знали о часе икс, потому что сами его приближали. Они успели укрыться в своих правительственных бункерах и, пока остальные просто пытались выжить, занялись тем, чем занимались всегда: заботились о том, чтобы у их подданных всегда был общий внешний враг, которого можно сделать козлом отпущения; пропагандировали ненависть; разделяли, чтобы властвовать. Два десятка лет они расставляют на шахматной доске Метро фигуры фюреров, генсеков и атаманов, передвигают пешек и ферзей так, как им вздумается. Миром, ограниченным ветками Метро, поразительно легко управлять, и они наслаждаются своей властью. А еще не терпят тех, кому известны их темные тайны и гнусные намерения. Вот почему я знаю, что за мной придут.

Анатолий был настолько ошарашен неожиданным признанием Данилы, что никак не мог собраться с мыслями.

– Так-так... А вы, значит...

– Да. Я знаю о них все, потому что... Сам из них. Власть, Томский, не терпит статики и не предполагает выхода из игры по своему желанию. Если ты не карабкаешься вверх по карьерной лестнице, то падаешь на самое дно. В общем, быть

членом тайного правительства я не захотел. Решил, что смогу пойти своей дорогой. И оказался в тупике.

Глава 2

Скока мона?

– Шух-шух, вжик-вжик, шух-шух...

Металл нагревается, из-под напильника сыплются блестящие опилки. Сталь сдается на милость человека. Грубые ее формы приобретают если не изящество, то некую законченность.

Толик обрабатывал напильником одну из деталей пулемета, зажатую в тиски. Работа монотонная и простая. Руки сами знали, что им делать, а голова была свободна для размышлений.

Прошло две недели с тех пор, как Данила Громов рассказал ему о тайном правительстве, удерживающем людей в Метро. После этого он перестал выходить из своей каморки и не отвечал на вопросы Толика. Просто сидел, уставившись в стену, и что-то бормотал себе под нос. Как всегда – о пивке, высасывающей жизни. О монстре, обладающем извращенным разумом.

Томскому пришлось оставить Данилу в покое. Он пошел другим путем – начал собирать сведения о жизни за МКАДом у обитателей Автозаводской: старых мастеров и их молодых помощников, коренных жителей Города Мастеров и тех, кто обосновался здесь относительно недавно. Ничего, кроме слухов и легенд, разбавленных изрядной долей ми-

стики, не услышал. Надеяться оставалось только на Вездехода, но тот, по своему обыкновению, никого не предупреждая, отправился в очередное путешествие с верной Шестерой. Пришлось набраться терпения и дожидаться карлика.

Томский положил напильник на верстак, взял штангенциркуль и убедился в том, что деталь готова. Он собирался отнести ее к сборщику, когда из глубины станционного зала послышались крики.

– А не хочу пить один! Это – прямая дорога к алкоголизму! Томский, мать твою, где ты?!

– Здесь! – Анатолий вытер руки о брезентовый фартук и вышел на середину платформы. – Юрка, успокойся, тут я!

Толик увидел Корнилова и не смог сдержать улыбки. Юрий отталкивал тех, кто пытался его успокоить, одной рукой, а во второй держал полуторалитровую, уже наполовину опорожненную бутылку с самогоном. Позади Юрки шел щупленький паренек с аккордеоном, который, по всей видимости, организовывал музыкальное сопровождение корниловской попойки.

Увидев Томского, Корнилов улыбнулся, провел пятерней по слипшимся от пота рыжим волосам.

– Братан! А я тебя повсюду ищу! Только ты, Толян, способен меня понять! А эти молокососы... Представь, вырубаются с двух стаканов! Ну разве гульнешь с такими? Слабаки. Разве поговоришь по душам? Не-а, Толик. Тут нужна старая школа. Плюнь в глаза тому, кто говорит, что собутыльника

найти просто. Болтовня и провокация! Разброд, мать его, и шатания! Старая, проверенная в деле школа... Вот...

Остановившись в паре десятков метров от Томского, Корнилов обернулся к аккордеонисту.

– Ага. Ты еще здесь. Че глаза таращишь? Сбациай мне «Клен» еще разок. А ну-ка!

– Товарищ Корнилов, ну сколько же можно? Одно и то же...

– Скока мона, стока нуна! Не распускай сопли, пацан! Выше голову! Дави на клавиши, кому сказал!

Аккордеонист пожал плечами, вздохнул и растянул потрепанные меха.

*Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым!²*

Корнилов проорал слова знаменитого «Клена» с таким энтузиазмом, что штукатурка потолка станционного зала лишь чудом не посыпалась на головы работяг.

Свое пение Юрий сопровождал телодвижениями, которые, по его мнению, наверное, считались вальсом, но со стороны выглядели как ритуальная пляска индейца у костра.

² С. Есенин, «Клен ты мой опавший».

Томский двинулся навстречу Корнилову. Знаком приказал аккордеонисту заткнуться и испариться.

– Клен ты мой опавший, – Юрий обнял Толика, – клен заледенелый...

– Хватит, Юра. Хватит музыки. Давай просто выпьем и поговорим.

– Ага. Точно. Хватит. У меня в ушах и без музыки звенит. – Корнилов рухнул на своевременно подставленный Толиком табурет. – Это от пойла? Или потому, что я почти не закусываю? Аппетит пропал. Потенция, по-моему, тоже. Куда катимся? От пойла, Толичек?

– От него, родимого, от него, проклятого.

Томский взял у Юрия бутылку и отхлебнул самогона.

– Фу! Что за шмурдяк ты хлебаешь в одну глотку?

– Не знаю. – Корнилов икнул. – Русаков всех таким потчует...

– Сколько можно, Юра? Ты завязывать не собираешься?

– Завяжешь тут с вами... Не могу я больше. Ни с самогоном, ни без него. Спать не могу. Трезвым быть не могу. Если не выпью, сразу мысли всякие в голову лезут. Воспоминания. Ганза. Рублевка. Причем только плохое вспоминается. А ведь было и хорошее, Толян! Ведь было же?!

– Было, Юра. Много хорошего было.

– И где ж оно? Куда подевалось?! Значит, затупились наши сабли? Не осталось больше пороха в пороховницах?

– Ага. А ягод в ягодицах. Выбираться, Юра, нам из Метро

надо. Иначе – кранты.

– Куда?

– Найдем куда. Главное – отсюда.

– Ну... Это... Я – только за. Клен ты мой...

Корнилов попытался взять у Толика бутылку, но рука его бессильно обвисла, голова склонилась на грудь. Юрий покачнулся и едва не упал с табурета. Храп его был не менее громким, чем песня.

Томский поставил бутылку на пол, взвалил обмякшее тело Корнилова себе на плечо и отнес в ближайшую каморку. Уложив на кровать, сочувственно посмотрел на друга. Усталое лицо, усеянное мелкими каплями пота. Рыжая недельная щетина. Расстегнутая чуть ли не до пупа гимнастерка, а под ней – майка не первой свежести. Мятые галифе. Нечистые берцы с оборванными шнурками.

Бывшего офицера Ганзы, лидера рублевских повстанцев-гастов вынужденное безделье превратило в пьянчугу.

Корнилов, как и Томский, тоже переживал депрессию, но боролся с ней по-своему.

Прирожденные авантюристы, любители головокружительных приключений и риска, они не умели жить спокойно. Размеренность и предсказуемость, к которым стремились обычные люди, губительно сказывались на тех, чье существование было подчинено борьбе. С людьми и обстоятельствами, со злом и несправедливостью. С собственными комплексами и страхами. С мутантами, порожденными ра-

диацией, и людьми, обрадовавшимися тому, что Бога больше нет и некому наказывать за совершенные при жизни преступления.

Толик вздохнул. А сабли-то действительно затупились.

Он вернулся к своему верстаку и сосредоточился на работе.

Часа через два Корнилов вышел из каморки, потер глаза.

– Толян, ты моей бутылки, часом, не видел? Голова трещит...

– Нет никакой бутылки, Юра, и не будет. Ты мне трезвым нужен.

– Ну, от ста грамм мне ничего не сделается.

– Иди-ка сюда.

Томский поманил Корнилова пальцем и подвел ко ржавой, наполненной водой бочке.

– Че тебе?

– А вот че!

Толик схватил друга за шиворот, подтащил к бочке и, надавив на затылок, окунул его головой в воду, удерживая в таком положении секунд десять.

– Совсем охренел?! – заорал Корнилов, отфыркиваясь. – Я чуть не захлебнулся. Вода же холодная!

– Да ну? А я тебе тепленького душа и не обещал. Еще разок!

Третий раз Юрий окунулся в бочку уже без помощи Томского. Пока он снимал мокрую гимнастерку и заканчивал

свой туалет, Толик принес полотенце и кружку горячего грибного чая.

– Дело есть, Юрка. Без тебя не справлюсь. Пей чай.

– Дело? Давненько, Толян, дел у нас не было. Ты о чем?

Томский передал Корнилову содержание своей беседы с Громовым, опустив подробности членства Данилы в тайном правительстве.

– Дожидаемся Вездехода. Советуемся с ним. Готовимся к походу.

– Наш карлик может только через пару месяцев заявиться. Ну а сама идея хороша. Смыться отсюда надо. Не плющит меня больше Метро, совсем не плющит. Полная безнадега. Без стакана смотреть на все это тошно.

Допить свой чай Корнилов не успел. Со стороны блок-поста послышались крики. Грохнул выстрел. Люди на платформе бросили работу и с тревогой наблюдали за тем, как от торца станционного зала к его центру быстро идут пятеро незнакомцев в черной форме, вооруженные автоматами с откидными прикладами.

Позади них шли часовые. По их растерянными лицам было видно, что гостей они не конвоируют, а лишь сопровождают.

Мимо Томского и Корнилова прошел начальник станции комиссар Русаков в своей знаменитой кожаной тужурке. Он услышал выстрел и, шагая навстречу гостям, расстегнул клапан кобуры.

Толик, стараясь не привлекать внимания к собственной

персоне, пошел к своей каморке.

Не дожидаясь, пока Елена начнет расспросы, поднес палец к губам.

– Тс-с... На платформу не выходить. Там... Непонятки какие-то...

Томский присел на корточки, вытащил из-под кровати фанерный ящик, отбросил в сторону стопку сложенной одежды. Достал со дна ящика «макаров», вставил в пистолет магазин.

– Не волнуйся, Лен. Разберемся.

Толик вернулся на платформу как раз к началу переговоров.

– Кто такие и по какому праву врываетесь на мою станцию со стрельбой?

Русаков уже успел вытащить свой пистолет из кобуры, но держал его стволом вниз.

– Все из-за ваших часовых, – холодно улыбнулся один из «черных», пожилой мужчина с аккуратной бородкой, из-за спины которого торчала обмотанная черной изолентой рукоятка самурайского меча, а на плече висел черный кожаный портфель. – Они даже не спросили у нас документы, а сразу пошли на конфронтацию. Пришлось выстрелить, чтобы привести их в чувство. А так вообще-то мы – люди мирные.

– Ага. Мирные, значит. Я – Русаков, начальник станции Автозаводская, комиссар Первой Интернациональной бригады имени Че Гевары. С кем имею честь?

– Мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз, комиссар. Мы представляем организацию, м-м-м, которая... В общем, посторонние уши нам без надобности.

– У меня нет секретов от товарищей, – мотнул головой комиссар. – Называйтесь, говорите, зачем заявились, или уберите с моей станции.

К этому времени людей в черной форме уже окружало плотное кольцо вооруженных жителей Автозаводской.

Однако бородача такое положение дел, похоже, не волновало. Он продолжал улыбаться.

– Не рекомендую разговаривать со мной в таком тоне, комиссар. Ни к чему хорошему это не приведет. Мы пришли за человеком, который нам... Кое-что должен. Его зовут Данила Громов. Стало известно, что он скрывается здесь. Мы забираем его и уходим. Это все, что я могу предложить.

– О! Предложить. Мне. Так-так. А не пошел бы ты в жопу! Руки вверх, засранец!

Бородач поднял руку, но лишь для того, чтобы выхватить из ножен катану. Его товарищи одновременно вскинули автоматы и стали спиной друг к другу, готовые отразить нападение. Залязгали затворы автоматов автозаводчан.

Томский, повторяя жест Русакова, поднял свой пистолет. В этот момент он почувствовал, что кто-то трется о его ногу. Это была Шестера, верная спутница карлика Николая Носова, а вскоре, раздвигая толпу, появился и сам Вездеход. Он поразил всех тем, что сразу подошел к человеку с катаной и

протянул ему руку.

– Здорово, Макс. Бороду отпустил? Тебе идет. Что за шум, а драки нет?

– Привет, Коля. – Бородач вернул меч в ножны и пожал Вездеходу руку. – Думаю, не появишься ты, драка началась бы. Как жизнь? Плеер цел?

– Нормально. Цел плеер. Только вот с батарейками в последнее время засада. Комиссар, успокойтесь. Это – Макс Добровольский, мой старый знакомый.

– Странные у тебя знакомые, Вездеход. – Русаков засунул пистолет в кобуру. – Ладно. Поболтаем без пальбы. Добровольский, пусть твои люди опустят «калаши» и не провоцируют моих парней. Прошу ко мне.

Макс кивнул своим спутникам, и те опустили оружие. Русаков остановился, смерил оценивающим взглядом посвежевшего Корнилова.

– Юра, Толян, приведите в мой кабинет этого... Громова. Хочу выслушать обе стороны, а потом уж решу, кого и куда.

Данила стоял у двери своей клетушки. Спокойный и сосредоточенный.

– Они пришли?

Толик кивнул.

– Требуют моей выдачи?

– Мало ли кто и что требует. Последнее слово за начальником станции.

Когда Томский, Корнилов и Громов подошли к двери жи-

лица начальника, то услышали хохот Русакова.

Толик толкнул дверь.

– Клянусь мамой, так все и было! Я не выдумываю!

Макс Добровольский сидел за столом вполоборота к двери и, рассказывая свою веселую историю, вертел в руках пузатую бутылку с черной этикеткой, на которой золотыми буквами было написано название напитка.

Вездеход тоже улыбался, поглаживая рукой спину шестиногой ласки, устроившейся у него на коленях.

В общем, атмосфера была более чем дружеской.

– Прощу всех за стол! – объявил Русаков. – Товарищ Добровольский нам коньячок презентовал. Настоящий, довоенный.

Томский был поражен резкой смене настроения комиссара. Русаков, который очень тяжело сходился с людьми и всего десять минут назад готов был пристрелить Макса, теперь хохотал над его шутками и собирался пить коньяк, до боли напоминавший взятку, принятую должностным лицом.

Начальник станции разлил напиток по кружкам.

– Ну и что стоим? Толик, Юрка и ты, Данила, быстро сели и вздрогнули!

Когда все устроились за столом, Корнилов первым потянулся к своей кружке. Однако, перехватив взгляд Томского, отдернул руку и принялся яростно тереть пальцами щетину на подбородке.

– За все хорошее! – Комиссар, начав с Макса, поочередно

чокнулся со всеми, выпил. – Нектар. Это настоящий нектар! Ну, Добровольский, удружил так удружил! А напиток помню. Видел этот коньячок. На картинке. В интернете...

– Если выпьешь ты сто грамм, сразу тянет в инстаграм. Для хорошего человека ничего не жалко. – Макс лишь пригубил свой коньяк и внимательно посмотрел на Громова. – А тебе, Данила, нравится?

– Коллекционный. Очень даже ничего. Только вот опасюсь к хорошему привыкать. Может, сразу к делу перейдем?

– Раз настаиваешь... – Добровольский пожал плечами. – Нам нужен проводник. Отправляем экспедицию в Кремль. Ну я и вспомнил о том, что лучше тебя эти места никто не знает. Если выручишь, у людей будет гораздо больше шансов вернуться живыми и принести то, что нам надо.

– Вам...

– Ну да. Ганза хорошо заплатит.

– Ганза?

– Да. Содружество станций Кольцевой линии, – отчеканил Добровольский. – Мы не бедные и не жадные. Ты можешь просить любое снаряжение и сам подобрать команду.

– А чего тут подбирать? – усмехнулся Громов. – Все уже здесь, в этой комнате. Томский, Корнилов, Вездеход. Если кто и сможет пройти в Кремль и вернуться назад, так только они. Если, конечно, согласятся.

– Гм... А я-то думал, что нашел только проводника. Что скажете, друзья мои?

Томский медленно потягивал свой коньяк и смотрел на Добровольского поверх кружки.

Итак, перед ним – один из Невидимых Наблюдателей, член тайного правительства, о котором говорил Данила. Он с легкостью завоевал доверие Русакова, продемонстрировав свое умение вести переговоры и сглаживая острые углы. Предлагает настоящее дело и достойную оплату. Громову, похоже, деваться некуда. Он – на крючке. А вот у остальных есть возможность поторговаться.

– Да согласятся они! – воскликнул комиссар. – Хлопцы ржавеют без работы!

– Лично у меня на ближайшее время планов нет, – пожал плечами карлик. – Мы с Шестерой не против прогуляться до Кремля.

– Почему бы и нет? Сколько можно бухать? – произнес Корнилов, обращаясь к бутылке, от которой никак не мог отвести взгляд. – Был я на Брянщине, был я на Смоленщине, но больше всего тянет к женщине... В Кремле я еще не был.

Все замолчали и смотрели на Анатолия. А он допил коньяк, перевернул кружку вверх дном и задумчиво постучал по ней пальцем.

– В Кремль так в Кремль. Но у нас есть свои условия.

Глава 3

Маршруты московские

Томский и Добровольский прогуливались в дальнем конце станционного зала, вдали от посторонних глаз и ушей.

После того как ситуация с появлением людей в черном нормализовалась, жизнь Города Мастеров вернулась в свое привычное русло. Гудели станки, слышался ритмичный перестук молотков, светились, изредка помигивая, электрические лампочки.

– Вот на таких все и держится, – покивал головой Добровольский. – Чтобы управлять, надо иметь тех, кем управлять. Без них все мы – нули без палочек. Город Мастеров... Очень точное название.

– Согласен. Но поболтаем о всеобщей мировой гармонии в другое время. Так как же с моими условиями?

– Вы, Томский, раскрыли свои карты, и я тоже не стану ходить вокруг да около. Да, я представляю тайное правительство, да, я говорю от имени тех, кого в Метро называют Невидимыми Наблюдателями. Наши возможности велики, но не беспредельны. А то, что вы просите взамен за выполненную работу... Не то чтобы мы не могли исполнить ваше желание. Организовать перемещение до ближайшего поселения людей за пределами Москвы можно, но... Тема слишком щекотливая, и я не уполномочен давать какие бы

то ни было обещания.

– И что же делать?

– Вы должны лично встретиться с моим руководством и обо все договориться. Это можно сделать прямо сейчас. Неподалеку от блок-поста меня ожидает автомотриса.

– Раз надо, значит надо. Скажу пару слов жене, и я в вашем распоряжении.

– Отлично. А я пока зайду к Громову. Составлю список нужного снаряжения. Встречаемся на блок-посту.

Когда Толик объяснил Елене, куда собирается, та, вопреки женскому обычаю, не стала отговаривать мужа и просить его беречь себя.

– А я рада, что ты займешься настоящим делом. Видела, как ты мучаешься. Удачи тебе, возвращайся поскорее.

Томский поцеловал жену, поднял сына и чмокнул его в щеку.

Добровольский и его подчиненные уже дожидались Анатолия. Двигатель автомотрисы был заведен, и, как только Томский устроился на платформе, дрезина, плавно сдвинувшись с места, покатила в сторону Павелецкой.

Толик сразу отметил мерный рокот двигателя и почти прозрачный дым, бивший из выхлопной трубы. Автомотриса была в отличном состоянии, как, впрочем, и все, чем пользовались Невидимые Наблюдатели.

На середине перегона дрезина остановилась.

– Сейчас придется завязать вам глаза, – сообщил Макс. –

Извините. Необходимая мера предосторожности.

– Раз уж необходимая...

Повязка из плотной черной ткани лишила Томского возможности наблюдать за происходящим.

Автомобиль остановилась, затем поехала в обратную сторону. Снова вперед и опять назад. Толика пытались сбить с толку, запутать. И это удалось. Вскоре он уже не мог определить, в какой точке перегона Автозаводская – Павелецкая находится.

Дрезина остановилась. Добровольский похлопал Томского по плечу.

– Приехали. Сходим.

Анатолий при помощи Макса, взявшего его под руку, спустился с дрезины. Услышал шум удаляющейся со скрежетом автомашины и металлический скрежет.

Судя по всему, открывали крышку какого-то люка. Догадка оказалась правильной.

– Прямо. Стоп. Осторожно, – послышался голос Добровольского. – Ступеньки крутые.

Томский начал спускаться. Лестница была стальной, а ступени действительно крутыми. Ноги Анатолия коснулись пола; короткий переход – и новая лестница, очередной спуск. Лязгнула дверь. Толик понял, что находится в большом помещении. Чувствовалось много воздуха и свободного пространства. Станция метро?

Подталкиваемый Добровольским, он снова куда-то во-

шел. За спиной послышалось характерное пневматическое шипение.

Точно. Он – на станции Метро-2. В вагоне поезда. Везде-ход говорил ему о том, что видел действующие метропоезда, но Томский не поверил тогда карлику.

На плечо легла рука Макса.

– Садитесь, Анатолий. Едем.

Томский сел, ощупал пальцами шершавый дерматин сиденья. Почувствовал, что поезд тронулся и набрал ход, слегка подергиваясь на стыках рельс.

Когда он ездил в метро в последний раз? В далекой, прошлой жизни, воспоминания о которой так приятны и одновременно так болезненны. Славно все-таки почувствовать себя пассажиром подземки, ощутить вибрацию мчащегося поезда, мощный и ровный импульс поступательного движения.

Вот тебе и тайное правительство, вот тебе и секретное метро Д-6! Пока рядовые жители Метро жрали крыс и умирали от лучевой болезни, невидимые козлы раскатывали на поездах и пили довоенный марочный коньяк! Метро, оказывается, прогнило больше, чем он думал, и здесь ему действительно нечего делать.

Анатолия окатила горячая волна ярости. Их обманывали. Двадцать лет вешали лапшу на уши, стравливали друг с другом, пропагандировали ненависть, создавали иллюзию свободы выбора. Твари!

Томский не заметил, как поезд остановился, а когда пальцы Добровольского коснулись его плеча, непроизвольно дернулся от отвращения.

– Приехали.

– Повязку снять можно?

– Нет. Вы не должны видеть тех, кто будет с вами разговаривать.

– А я и не испытываю большого желания их видеть, – буркнул Анатолий.

– А что так грубо?

– А вы не догадываетесь?

– Вы обвиняете меня в том, что мне удалось найти хорошую работу. Мне повезло заниматься тем, что мне нравится. Я ведь не отдаю приказов, а только их исполняю.

– То же самое говорили нацистские преступники на Нюрнбергском процессе.

Добровольский ничего не ответил. По всей видимости, Томский попал в яблочко. Крыть Максу было нечем.

Через несколько минут проводнику пришлось заговорить и взять Толика за локоть.

– Осторожно. Ступеньки.

На этот раз лестница не была крутой. Широкие и, судя по гладкости, мраморные ступени. Потом – ровная площадка и... Ковер.

Томский понял, что Добровольского уже нет рядом, и замер в ожидании. Лишь через пять минут слышались шаги.

– Меня зовут Дабл Вэ. Садитесь, – негромко произнес кто-то. – Стул у вас за спиной.

Толик обернулся, нащупал спинку стула и сел.

– Итак, вы – Томский. Бывший анархист, угнавший у коммунистов траурный метропаровоз и захвативший Берилаг.

– Было дело...

– Безупречная характеристика. Уверен, что вы справитесь с нашим заданием.

– Если договоримся.

– Вы намереваетесь покинуть Метро вместе с семьей и друзьями и в обмен на оказанную нам услугу просите доставить вас до ближайшего поселения людей за пределами МКАДа.

– Не прошу. Требую.

– Не надо придирается к словам. Мы готовы доставить вас в нужное место.

– Гарантии?

– Слово главы российского правительства.

– Нелегального правительства.

– Очень скоро легализуемся. Кроме того, мы скупы на обещания, но не было случая, чтобы, дав слово, его не сдержали.

– Хорошо. Моя задача?

– Доставить из Сенатского дворца Кремля главный экземпляр Конституции Российской Федерации. Отыскать его поможет Громов. Ему же и передадите книгу. Обо всем осталь-

ном позабочусь я. Не позже чем через три дня вы будете препровождены... На выбор: Клин, Ногинск, Можайск. Я называю самые развитые и перспективные сообщества, у которых, по нашим сведениям, есть будущее. Если вы предпочитаете другой населенный пункт...

– Там будет видно.

– Отлично. Мы договорились?

– Где расписываться кровью?

Томского никак не покидала мысль о том, что голос главы тайного правительства ему знаком. Что-то смутное, далекое и зыбкое, из довоенного детства, совсем как поезд метрополитена. Где он мог слышать этот голос? По телевизору?

– Перед тем как мы расстанемся, Томский, хочу предупредить о том, что все подмосковные города очень скоро окажутся там, где им и надлежит быть, – под юрисдикцией законного правительства России. Москва, поверьте мне, останется Москвой. Политическим и экономическим центром, с которого начнется возрождение России. Можно сбежать из Метро, можно верить в маму-анархию, но... Без закона и порядка, которые представляем мы, людям не обойтись.

– Все-таки по телевизору...

– Что?

– Мне знаком ваш голос, Дабл Вэ. Вы выступали по телевизору. До Катаклизма. Тоже говорили про закон и порядок. Заезженная пластинка.

– Можете оставаться при своем мнении. Время нас рассу-

дит. До свидания.

– Да нет уж. Надеюсь, прощайте.

Толик произнес эти слова со всей отпущенной ему Богом язвительностью, но насладиться произведенным эффектом не довелось. Сильные руки легли ему на плечи и придавили к сиденью стула. В шею вонзилась игла.

Томский вскочил, отшвырнул ногой стул и ткнул кулаком в воздух. Сорвал повязку с глаз и... ничего не увидел. Из темноты послышался тихий, почти вкрадчивый голос:

– Не волнуйтесь. Первым из органов чувств отключается зрение. Вы просто уснете, а когда проснетесь, не будет даже головной боли.

Ноги Анатолия подогнулись. Он упал, ткнувшись щекой в мягкий ворс ковра.

* * *

– Ранцевый огнемет. Смотри-ка ты, как они его... Убойная штука.

– Не трогай, пока я не покажу, как им пользоваться.

Первый голос принадлежал Корнилову. Второй – Громову.

Томский открыл глаза. Каморка Юрия. Что он здесь делает? Как оказался тут?

Толик сел. Корнилов и Громов стояли у стола, на котором лежали черные прорезиненные комбинезоны, странные про-

отивогазы из белой резины, автоматы с укороченными стволами и складными прикладами, ранцевый огнемет с толстым гофрированным шлангом и металлическим, похожим на разинутую пасть акулы, раструбом.

– Очухался? – Корнилов обернулся. – Так можно и конец света проспять.

– Как я сюда попал?

– Добровольский с дружками привез. Вместе со снаряжением. Просил передать извинения за то, что тебя пришлось усыпить. Хотели тебя сразу домой отнести, но я решил Ленку зря не пугать. Велел ко мне... Чаю хочешь? Горячий.

– Давай чай.

Томский был очень зол на фокус Невидимых Наблюдателей, но быстро забыл о них. Его поразил вид Юрия. Гладко выбритый, тщательно причесанный Корнилов помолодел лет на десять. В глазах появился блеск. Тот самый, с которым Юрий вел за собой восставших гостей Рублевки. Спасибо тайному правительству! С паршивой овцы...

После чая Анатолию захотелось курить, но он сдержался. Надо брать пример с Юрки и расставаться с вредными привычками.

– Толян, привет! – Вездеход вошел в каморку, сразу подошел к столу и взял противогаз. – Ага. Такие я уже видел...

– Раз все в сборе, начнем, – объявил Данила, привычным жестом поднося пальцы к вискам. – Итак, мы отправляемся в Кремль. Я несколько раз бывал там после Катаклизма,

но дальше Архангельского собора пройти не сумел, что-то мешало. Не знаю, что именно вызывало панику и необъяснимый ужас... Такое ощущение, что ты упираешься в невидимую стену. Могу лишь предполагать: все дело в биологическом оружии, которое сбросили на Кремль, чтобы сохранить здания в целости, а людей вывести из строя. Нам известно, что разумная биомасса, пожирающая людей, и звезды на башнях Кремля как-то связаны. Звезды заманивают людей в Кремль, а биомасса довершает начатое, окончательно лишая их разума.

– Насколько мне известно, звезды потухли после того, как биомассу выжгли огнеметами, – заметил Корнилов. – Или...

– Или, Юра. Для того чтобы разделаться с биомассой полностью, Кремль придется стереть с лица земли атомной бомбой. Все остальное – полумеры. Если осталась хоть микроскопическая частица этой мерзости, можно считать, что все начнется сначала. Биомасса будет пожирать разум и тела. Будет разрастаться, а звезды на кремлевских башнях вновь зацветутся, чтобы заманивать неопытных сталкеров в западню.

– А мы, выходит, опытные, – усмехнулся Томский.

– Предупрежден – значит вооружен. Мы знаем, чего опасаться, поэтому я и настоял на том, чтобы нас снабдили портативным ранцевым огнеметом. – Громов подошел к столу и поднял раструб огнемета. – Такими пользовались еще в Первую мировую войну. Разумеется, перед нами усовершенствованная модель. Принцип действия прост: раструб

направляется на цель, поворачивается вентиль. Сжиженный газ поджигается искрой, нажатием этой кнопки. Радиус действия – пятнадцать метров.

– Нам придется иметь дело только с биомассой? – поинтересовался Томский. – Живых существ в Кремле нет?

– Не знаю, но... Чье-то присутствие я ощущал. За нами наблюдали. Боковое зрение не раз фиксировало движение, но я так никого и не увидел. Возможно, обитатели Кремля находятся дальше, чем удавалось пройти, и прячутся.

– Ну, надо полагать, обитатели эти из плоти и крови. – Вездеход задумчиво наморщил лоб. – А значит, в случае чего против них отлично сработают эти расчудесные «калаши».

– Лучше обойтись без пальбы, – вздохнул Данила, склоняясь над белым листом бумаги. – Исходная точка – Трубная площадь. Дойдем до нее по поверхности. Там мы спустимся в подземный коллектор Неглинки и по нему доберемся до Москвы-реки. У выхода к набережной есть лодка. По крайней мере, была. Не думаю, чтобы с ней что-то случилось. Дальше по воде, вдоль набережной, добираемся до Первой Безымянной башни. Рядом с ней из-за просадки почвы часть кирпичной стены разрушилась. Так мы попадаем в Кремль...

Громов принялся вычерчивать схему карандашом. Храмы обозначал крестиками, здания – квадратами и прямоугольниками.

– Конечная точка маршрута – кабинет на втором этаже

Сенатского дворца, окна которого выходят во двор. Объект должен находиться там. Да, на тот случай, если со мной что-то случится, это – книга. Конституция. Переплет кожаный, красный. Накладной серебряный герб России. Трудно спутать с чем-то другим. Эту книгу мы и должны добыть. Уходим тем же путем. Вопросы?

– Только один, Данила. – Томский встал, взял со стола автомат и передернул затвор, вставил фонарик в специальный паз сбоку ствола и удовлетворенно хмыкнул. – На какой крючок подцепили вас красавцы, называющие себя тайным правительством, и можно ли им вообще верить? Мне дали честное слово, но у политиков, особенно российских, оно очень часто бывает пустым звуком. Наша команда справится с задачей. Случалось попадать в передраги и похуже, но... На чьей стороне вы, Громов? И ради чего будете рисковать жизнью?

Анатолий рассчитывал, что его прямой вопрос поставит Данилу в тупик или, по крайней мере, заставит задуматься в поисках ответа. Однако Громов ответил сразу:

– Ради того, что и вы, Томский. Я собираюсь покинуть Метро. Невидимые Наблюдатели, с которыми я не хочу иметь ничего общего, сами же помогут мне избавиться от своей назойливой опеки. Кроме того, я хочу прояснить кое-какие детали для своей книги о Кремле. Такой ответ вас удовлетворит?

– Вполне. И последнее: как доберемся до Трубной площа-

ди?

– По Кольцевой. На поверхность выйдем на Новослободской. Дальше – мимо Мосгордумы. Дорога мне знакома. Да, еще. На каждого из нас выписаны документы офицеров Ганзы и официальное письмо, по которому в любой точке Содружества станций Кольцевой линии нашей группе обязаны оказывать всемерное содействие.

– Вот те на! – расхохотался Корнилов. – Давненько я не был офицером Ганзы! Надеюсь, меня там не прищучат за прошлые делишки?

– За сроком давности, Юра, тебя наверняка простили, – улыбнулся Анатолий. – Покажешь нам, как обычно ведут себя офицеры Ганзы.

– А что показывать? Задирай повыше носяру, выпячивай грудь и вперед!

Корнилов старался быть веселым, но от Томского не ускользнула грусть в глазах друга, который на самом деле был офицером ганзейского содружества и сейчас, наверное, вспоминал не самый лучший отрезок своего жизненного пути.

– Что ж... Тогда осматриваем оружие, примеряем комбинезоны и отдыхаем. – Томский подошел к двери, обернулся к товарищам. – Рад, что вы согласились. Спасибо. Кроме всего прочего, этот поход поможет нам всем встряхнуться.

Толик пошел к себе, собираясь рассказать Елене о предстоящей экспедиции, но жена встретила его на платформе.

По выражению ее лица Томский понял, что она обо всем догадалась и сюрприз не получится.

– Далеко на этот раз?

– В пределах Садового кольца. А если точно – в центр.

– Ты говоришь...

– О Кремле, любимая.

Лицо Елены помрачнело. Она хорошо знала, чем заканчиваются такие экспедиции, поскольку лично вывозила вождя мирового пролетариата.

– Говорят, что звезды на башнях погасли...

– Верно. Да и дедушки Ленина в Мавзолее больше нет. Думаю, что больших трудностей не предвидится.

– Я приготовила праздничный ужин, – вздохнула Елена.

– Почему так грустно об этом говоришь? Очень своевременно. Я так голоден, что, наверное, съел бы сырого птеродактиля!

Глава 4

Погасли ли звезды?

– Документы!

Офицер, за спиной которого стояла пара солдат, щурясь, всматривался в бумаги, которые ему подал Томский.

Тут сощуришься. Новослободская разительно отличалась от чистеньких и ухоженных станций Кольцевой линии. Здесь явно сэкономили на электричестве. Голый серый цемент, использованный для отделки повсеместно, довершал общее унылое впечатление.

«На таких станциях хорошо сводить счеты с жизнью», – подумал Анатолий.

Офицер, проверивший документы, наверное, придерживался такого же мнения. Щуплый, с одутловатым, испитым лицом, он был явно не в восторге от места своей службы.

Так и не рассмотрев бумаги, он, наконец, догадался включить фонарик.

Потом поочередно оглядел каждого гостя, причем дольше всего взгляд служивого задержался не на людях, а на шестиногой ласке, сидевшей на плече карлика.

– Гм... Все в порядке. А это еще что?

– Распоряжение вашего руководства о содействии нашей группе, – отчеканил Анатолий.

– Ага. И чем же мне вам подействовать?

– Нам надо на поверхность. Как попасть в наземный вестибюль?

– Попадете. Проще всего через машинный зал. Топайте за мной. Содействие...

Томский, Корнилов, Громов и Вездеход, выстроившись в цепочку, двинулись к торцу станционной платформы.

– На Павелецкой давно были?

– Можно сказать, только оттуда, – включился в разговор Данила.

– Хорошо там. Есть чем поразвлечься. Крысиные бега... А тут с тоски сдохнешь. Не знаете, чья крыса последний забег выиграла?

– Видели те бега, пока попутного каравана дожидались. Как всегда. Начальника станции.

– Подстава, конечно, заказуха, но все равно интересно. – Офицер остановился, вытащил из кармана фляжку. – А здесь, елы-палы, из всех радостей только бухалово.

Отвинтив пробку, он сделал несколько глотков, фыркнул и утер губы рукавом.

– Так, мать-перемать, и живем... А этот ваш зверюга ручной?

– Ага. Ласка, – сообщил Носов. – Ее зовут Шестера.

– Вижу, что Шестера. Самая тебе пара, гном.

– Мой гном тебе в рот не влезет!

Резкий ответ Вездехода должен был оскорбить офицера, но вместо этого он расхохотался.

– Ну ты и остряк! Уважаю. А как иначе? С таким ростом в Метро долго не протянешь, если зубы не показывать.

Носов на комплимент не отреагировал и не стал поддерживать разговор. До двери машинного зала, расположенного под эскалаторами, дошли молча. Один из солдат потянул за ручку. Дверь поддалась только с третьей попытки и открылась с душераздирающим визгом несмазанных петель. В этом помещении было еще хуже, чем на самой станции: паутина, натянутая, словно веревки, между пыльными, навек замолкшими агрегатами. Груды мусора и крысиных костей на полу. Светившая в половину накала лампочка заставляла плясать тени вошедших людей на серых стенах. Запустение и безысходность.

Офицер, спотыкаясь и матерясь, добрался до лестницы и, вцепившись в перила, принялся взбираться наверх к стальной двери.

– Долбаное содействие! Я сапоги хрен когда отмою после такого содействия!

Он вцепился в обрезок толстой арматуры, протетый через две скобы и служивший засовом, и попытался сдвинуть его с места.

– Уф! Все заржавело. А вы, остолопы, чего внизу стоите? Рысью ко мне!

Солдаты поднялись к командиру. Их совместные усилия тоже не дали результатов – засов не сдвинулся ни на сантиметр.

– А ну, дайте-ка я попробую! – Корнилов поднял с пола ржавый разводной ключ, быстро поднялся наверх и оттолкнул солдат. – Сейчас мы его!

После нескольких ударов засов прекратил сопротивление. Юрий выдернул его и поставил у стены.

– Вот и все!

– Вот и все. – Офицер выдернул пистолет из кобуры и прижал ствол к груди Корнилова. – Р-р-руки! Руки вверх! Я тебя узнал. Все думал, где видел эту хитрющую рожу! Пакуй его, ребята! Эта паскуда – Корнилов. Убийца и предатель. Беглый преступник!

Ганзейскому служаке не стоило быть таким многословным.

Юрий действовал молниеносно. Вывернул офицеру руку, поймал выпавший пистолет и ткнул стволом в спину старого знакомого, который повизгивал от боли.

– Это дзюдо, сынок. А сейчас будет дзю-после. Так, теперь вы, индюки пластмассовые! Автоматы на пол и вниз! Быстро, или я сделаю дырку в вашем командире! Раз, два...

– Делайте, как он говорит! – заверещал офицер. – Он же меня...

Солдаты бросили оружие и сбежали вниз по лестнице.

Когда Томский, Громов и Носов поднялись к двери, Корнилов пнул офицера ногой в задницу. Бедолаге пришлось сосчитать пятой точкой все ступени и в конце путешествия ткнуться носом в кучку крысиных скелетов, перемешанных

с пометом.

Юрий подобрал автоматы, забросил их себе на плечо и распахнул дверь, пропуская друзей в наземный вестибюль Новослободской.

– Вот теперь точно все, дорогие коллеги. Не смею больше обременять вас своим присутствием. Не забудьте запереть дверь. Слава Ганзе! Да здравствует Адам Смит!

– Так, быстро! – скомандовал Томский, натягивая противогаз. – Пока они очухаются, пока позовут подмогу и найдут оружие... Минуты две-три у нас есть.

– Да не будут они за нами гоняться! – заверил Юрий. – Знаю я эту братию. стыдно будет признаться в том, что их так элегантно объегорили...

Большая часть крыши вестибюля обрушилась. Обломки покрывал скользкий от влаги, зеленый с черными проплешинами мох. Сверху и через три дверных проема в здание вползала неприветливая московская ночь, разбавленная скудным светом луны.

Наземный вестибюль Новослободской был задуман его архитекторами как античный храм, теперь же об этом напоминали только шесть увитых плющом колонн.

Даже не сделав и пары шагов по открытому пространству, Толик вдруг замер и вскинул правую руку, призывая остальных остановиться.

– Спокойно. Я что-то слышал.

– Я тоже, – кивнул карлик.

– Это... Это наверху. – Корнилов обернулся и поднял голову.

Остальные последовали его примеру. Наверху действительно что-то было. Рядом с уцелевшим фрагментом буквы «М», между щербатыми перилами метнулась крупная тварь.

Томский собирался что-то сказать, но его остановил грохот. Рухнула еще часть крыши, а виновник этого метался внутри вестибюля. Почти одновременно вспыхнули четыре фонарика. Необычайно худое, с серой, покрытыми темно-красными пятнами кожей существо ростом под три метра прыгало среди обломков, врезалось в стены и пыталось вскарабкаться по ним наверх. Приплюснутая, лишенная глаз голова и огромный рот помогли Вездеходу определить тип мутанта. Карлик сунул руку в карман комбинезона, вытащил бумажный пакетик, разорвал его пополам и швырнул в сторону вестибюля. Поднялось облачко белого дыма.

– Что это? – спросил Корнилов.

– Хлорка. У стигмата острый нюх. Чтобы его запутать...

Запутать мутанта не удалось. Он вскочил на обломок и, оттолкнувшись всеми четырьмя конечностями, выпрыгнул к людям. Томский, стоявший ближе всех к вестибюлю, вскинул автомат. Очередь рассекла грудь стигмата, он вскинул руку, словно пытался указать на своего убийцу, и пронзительно завопил.

– Заткните его! – закричал Громов. – Это не...

На этот раз загрохотали два автомата. Стреляли Томский

и Корнилов. Пули отшвырнули стигмату к крайней, квадратной колонне вестибюля. Мутант развернулся к людям спиной, обнял колонну своими длиннющими руками и сполз по ней вниз.

– Его хлоркой не обманешь, – усмехнулся Юрий. – Мне рассказывали, что у этих тварей взамен зрения эхо... Ну, в общем какая-то эхо-хреновина в башке. А ты, Коля, таких уже видел?

– Ага. Довелось поручкаться у Кропоткинской. С несколькими. Только те поменьше были.

– Ага. А этот – крупный. Если бы крыша под ним не обвалилась, пришлось бы больше повозиться.

Томский подошел к Громову.

– Все нормально, Данила?

– Ажур. Только в ушах до сих пор звенит. Топаем. Ориентир – колокольня Никольской церкви. Ее и отсюда видно.

Толик посмотрел туда, куда указал Данила. Сохранившаяся каким-то чудом колокольня храма высилась над развалинами других зданий, как пирамида в Чичен-Ица.

Выплывшая из-за туч луна осветила бок колокольни. Красный, потемневший от времени и непогоды кирпич делал звонницу православной церкви еще более похожей на культовое сооружение майя.

Томский прочел книгу о коренных жителей Мексики еще в библиотеке Полиса и теперь подумал о том, что колокольня Никольского храма и сохранилась-то потому, что была по-

хожа на пирамиду.

В унисон мыслям Анатолия диск луны пересек лениво взмахивающий крыльями птеродактиль.

– А вот вам и Кетцалькоатль...

– Что?

– Ничего особенного, Данила. Мысли вслух. Двигаем к вашей церкви. Я вот тут подумал: а на кой нам такие сложности? Могли бы выйти на поверхность прямо на Трубной. Документы у нас в порядке, станция, как мне известно, только-только заселяется. У будущих трубчан и без нас забот полон рот. Бардак там такой, что пройдем как нож сквозь масло.

– Все верно. Но мой друг водил меня именно этим маршрутом. В то время Трубной никто не интересовался, радиация там зашкаливала. Вот я и решил не изобретать колесо, а пойти старой, проверенной дорогой.

– Друг? Вы о нем не рассказывали. Тоже изучал Кремль?

– Ага, особенно его музеи, – хмыкнул Данила. – Когда начался весь этот бардак, он связался с вором-законником, они стали мародерствовать. Считали, что, когда порядок установится, цены на кремлевские сокровища взлетят до небес. Базой этой банды были туннели Неглинки. Вора того звали Колей Блаватским. Он встретил еще в Бутырке какого-то экстрасенса и с его подачи помешался на мистике. Считал трубу подземной реки местом силы, подпитывающим воровские начинания.

– И подпитался?

– Напрасно иронизируете, Томский. Неглинка – место загадочное, а мертвецы плыли по этой речушке сотнями. Чего только стоила Тайная канцелярия, расследовавшая государственные преступления! Руководил ею тот еще изверг – Степан Шешковский. Трупы тех, кто не выдержал пыток, сбрасывали в Неглинку. А Дарья Салтыкова! Женщина с большими странностями. Тела замученных крепостных девушек висели у нее на шее, как ожерелье. С рекой эта дамочка была на «ты»: считала, что ее вода способна вернуть молодость и красоту. Добавим сюда Силу Сандунова, разорившегося на строительстве своих знаменитых бань; француженку, любовницу Саввы Морозова, которую на берегу Неглинки сбила карета, трактиры «Крым» и «Ад», где собирался весь преступный мир Москвы. Говорят, что иногда, после бандитских толковищ, трупов, сброшенных в реку, было столько, что они перекрывали русло. А Коля Блаватский исчез. Может, присоединился к сонму призраков Неглинки.

– А ваш друг?

– Тоже пропал. Позже. Возможно, решил побывать в Кремле в одиночку и попал под влияние звезд. В любом случае эта затея с сокровищами музеев себя не оправдала. Даже когда порядок восстановится, о них вспомнят совсем не в первую очередь.

– Плевать на сокровища. Сегодня патроны, завтра что-то еще. Я о другом. Не верю в призраков, Данила. Мне довелось

повидать многое, от чего шарики за ролики заходят, но, в конце концов, всему находилось рациональное объяснение. Никаких призраков Неглинки не существует. А вот с биомассой... До сих пор не могу поверить в то, что какая-то вязкая хрень может мыслить...

– Мыслить и внушать, Анатолий. А еще расти, пожирая плоть!

Томский уже понял, что именно о кремлевской биомассе говорил Громов во время своих «затмений». Ее он называл пиявкой. И... Не раз имел с ней дело. Иначе откуда столько эмоций?

– Еще раз говорю вам: звезды погасли! – подключился к беседе Корнилов. – Это мне из достоверных источников известно. А биомасса твоя, Данила, сдохла, когда ей стало нечего жрать.

– Можете считать так, если от этого будет легче, – развел руками Громов. – Вот только мне кажется, что наш огнемёт не останется без работы...

Все погрузились в собственные мысли. Группа, теперь уже молча, двигалась по намеченному маршруту.

Через полчаса, перебравшись через очередной завал, Громов остановился, повертел головой.

– Ага. Все верно. Садовая-Каретная, Петровский бульвар. Теперь до Каретного Ряда. Там... Там по Петровке. Правильно. Все так.

– Ты что бормочешь, Данила? – напрягся Корнилов. – За-

блудился?

– Не дергайся, все путем, – отмахнулся Громов.

– Не приставай к Даниле, – попросил Томский. – Если он собьется с пути...

А сбиться с пути здесь было проще пареной репы. Руины домов, груды завалов, перегораживающих то, что когда-то было улицами, выглядели абсолютно одинаково. Даже остовы автомобилей казались похожими на братьев-близнецов. Эта однотипность вкупе с первыми признаками наступающего утра – облаками серой пыли, которую поднимал с земли проснувшийся ветер, оказывала на людей гнетущее воздействие. Центр мегаполиса, несмотря на обилие руин, выглядел пустыней. Взгляду было не за что уцепиться.

Вот почему, увидев относительно целое шестиэтажное здание, все оживились. Дом на самом деле не мог не привлечь внимания. И тем, что устоял под разрушительным напором времени, и своими архитектурными особенностями.

Длинное сооружение, внутренний двор которого был некогда огорожен кованым забором, остатки которого виднелись тут и там, венчали две пристройки с четырехколонными портиками. Во дворе, где находился центральный вход, стоял гранитный постамент, увенчанный чьим-то бюстом с отсутствующей головой.

– Это еще что за дворец? – поинтересовался Вездеход.

– Главное управление МВД России по Москве, – ответил Громов. – МУР в просторечье. Знаменитый МУР... Вернее,

то, что от него осталось.

– Главная мусарня страны, – усмехнулся Юрий.

– Откуда этот жаргон, Корнилов? – возмутился Громов. – Этот дом, этот памятник – символы охраны правопорядка. Проявите уважение!

– Проявляю. Ну и чего мы стоим?

В этот момент Шестера, бегавшая вокруг Вездехода, вдруг замерла и испуганно прижалась к его ногам.

Ласка что-то почувствовала. В следующую секунду грохнул выстрел. Вслед за ним – автоматная очередь. И еще одна. Стреляли где-то на другой стороне отдельно стоящего здания муровского комплекса.

Глава 5

Музейные тайны

Направляясь к зданию, Толик прислушивался к хлопкам выстрелов. Патроны в этом мире были универсальной денежной единицей, а пули – международным языком. Его отлично понимали и люди, и мутанты. Впрочем, хватит. Рас- философствовался.

– Спокойно. – Томский подошел к зданию, осмотрелся, поднялся по ступеням и направил фонарик в дверной проем. – Стреляют не по нам, но... Разобраться в том, что происходит, не помешает. Оставайтесь здесь. Будьте начеку. Скоро вернусь.

Толик вошел внутрь, поводил лучом фонаря вокруг. Ничего особенного. Груды спрессованного временем мусора, деревянные и металлические фрагменты интерьера, свисающие с потолка провода, которые успел обвить плющ, да покрытые толстым слоем пыли осколки стекла на полу.

Томский сразу определил, что добраться до окон не сможет – проход перекрывали обрушившиеся потолочные плиты второго этажа.

Он отыскал лучом фонарика лестницу, ведущую наверх, и пошел к ней, но замер, когда услышал какой-то звук.

Стон, всхлип? Звук больше не повторился, зато сверху отчетливо слышались шаги. Толик передернул затвор авто-

мата, оглянулся на дверь. Зря он поперся сюда в одиночку. Однако возвращаться было уже неудобно. Не пристало лидеру, если он себя таковым считает, сворачивать на половине дороги.

Между тем, стрельба прекратилась.

Томский собирался выключить фонарик, чтобы ничем не выдавать своего присутствия, но тут споткнулся о что-то, лежавшее на полу. Он направил луч света себе под ноги и попятился.

Труп женщины. Полосатое платье. Полуспущенные чулки на ногах. Седые, собранные в хвост волосы. Странная одежда, странное положение тела. Было во всем этом что-то... Фальшивое. Театральное.

На втором этаже снова послышался шум. Шаги.

Когда Анатолий нашел в себе силы оторвать взгляд от тела, его ждал новый сюрприз. Еще один труп. Мужчина. Он сидел у стены, свесив голову на грудь. Старомодный костюм, странного вида ботинки с тупыми носами.

И снова Томский почувствовал некую фальшь. Он осторожно приблизился к мужчине, сел на корточки и осветил фонарем в лицо мертвецу.

– Твою мать...

Это был манекен. Не больше и не меньше. Анатолий вернулся к женскому телу и осторожно его перевернул. Тоже манекен. Очень реалистичный, но все-таки манекен. Искусно выполненная рана на голове. Слипшиеся от крови воло-

сы, демонстрирующие последствия удара топором. Сведенное гримасой ужаса лицо.

Томский встал, провел лучом фонаря по стенам и, наконец, обнаружил то, что все объясняло. Хорошо сохранившиеся серые буквы на стене. «Музей истории МУРа».

Манекены были экспонатами музея. Оставалось разобраться с тем, что происходило на втором этаже. Там точно шумели не манекены.

По пути Томский сделал новые открытия. Лестницу перегородивал сорванный со стены стенд, на котором были закреплены гипсовые фрагменты человеческих лиц. Подбородки, носы, уши. На ступеньках в беспорядке валялись ржавые замки, отмычки и другие хитрые приспособления, явно имевшие прямое отношение к уголовному миру прошлого.

Первым, что Толик увидел на втором этаже, было чучело собаки. Взгляд стеклянных глаз овчарки, олицетворявшей кинологическую службу московской полиции, был грустным. Запутавшаяся в шерсти паутина придавала псу больной вид.

– Не грусти, Полкан... Выздоровливай.

Томский остановился в начале длинного коридора, стены которого были увешаны портретами. Некоторые выцвели настолько, что различить лица было невозможно. Те, что сохранились, укоризненно смотрели на пришельца, нарушившего их покой. Люди разного возраста, служившие в разное время в московском УГРО. Их фотографии пережили

не только их самих, но и Катаклизм. Можно сказать, победили время...

Анатолий решил ждать. На полу было слишком много мусора – любой его шаг будет сопровождаться шумом. Пусть тот, кто здесь ходит, выдаст себя первым, а уж потом...

Терпение Томского было вознаграждено уже через пару минут. В конце коридора мелькнула чья-то фигура – он успел различить серый комбинезон, блеск окуляров противогаза и... направленный на него ствол «калаша».

Толик упал на пол. Пули просвистели у него над головой и повалили чучело овчарки.

– Имейте в виду, живым вы меня, бляха-муха, не заполучите!

Стрелок в конце коридора не собирался прятаться. Наоборот, встал во весь рост, сорвал с себя противогаз и бросил его на пол.

– Ну же, твари! Подходи по одному! Хелтер Скелтер!

С этими словами он выстрелил. Пули впились в потолок, потому что мужчина выпустил очередь в падении.

Тишина. Только шум осыпающейся штукатурки. Анатолий поднял голову. Человек в конце коридора лежал неподвижно.

Хитрость? Уловка? Слишком прямолинейно. Скорее всего, парень на самом деле отключился. Томский встал, прижал приклад автомата к плечу и, целясь в лежащего на полу человека, двинулся вперед.

За спиной послышались шаги.

– Томский, что тут? Ты в порядке? Откуда внизу трупы?

– Это манекены, Юра. А лежащий там – человек.

– Ага. И чего он там разлежся? Нашел, елы-палы, время...

– Сейчас узнаем.

Толик остановился рядом со стрелком, ногой отшвырнул в сторону автомат с обшарпанным прикладом, наклонился над мужчиной. Тот на самом деле был ранен. Пули разорвали комбинезон на правом боку, а кровь пропитала клочья одежды.

Он был совсем молод. Почти подросток, на вид не больше двадцати лет. На подбородке даже не щетина, а светлый пушок. Бледная кожа; приятное, симпатичное лицо, на котором застыло страдальческое выражение. И волосы – русые, до плеч. Таких причесок в Метро не носили, стриглись коротко.

Томский наклонился еще ниже, чтобы осмотреть рану, но в этот момент парень открыл глаза и обеими руками вцепился Толику в горло.

– Я же сказал: живым вы меня не получите!

– Да успокойся же ты! – Анатолий оттолкнул раненого, освободился от захвата и уперся коленом ему в грудь. – Не нужен ты мне! Ни живой, ни мертвый!

– Так вы не с ними? Не с этими?

– Мы сами по себе! – ответил за Толика Корнилов. – Что тут произошло?

– Поросята. Свинья и кабанчик...

– Он заговаривается, – констатировал подошедший Громов. – Хлопец в шоке. Надо дать ему время прийти в себя. Уже светает. До наступления темноты останемся здесь, подлечим красавца.

– И ничего я не заговариваюсь, – парень встал, опираясь на подставленное Томским плечо. – Мы собираемся разводить свиней. Ну и пришли в Метро, чтобы купить... А они... Убили всех!

Он всхлипнул и вдруг разрыдался. Томский достал из рюкзака фляжку, отвинтил пробку и протянул парню.

– Пей!

Тот отхлебнул самогон, закашлялся. Толику стало жаль пацана – даже не научился как следует пить.

– Как тебя зовут?

– Леха. Кипяток.

– Какой кипяток? Чаю хочешь?

– Не-а. Кличка у меня такая. Говорят, взрывной я парень. Нервный. Поэтому и Кипяток.

– Взрывной, это точно, – усмехнулся Анатолий. – Еще немного, и пришел бы меня. Моего сына тоже Лехой звать. Ты, Кипяток, успокойся для начала, остынь. А мы все подумаем, чем тебе можно помочь.

Леха кивнул.

– Так вы точно не из этих? Ну, которые... В белых противогазах.

– Нет. Сказано же: мы сами по себе.

Леха еще раз приложился к фляжке и на этот раз не закашлялся.

– Хорошо. Верю тебе, э-э-э...

– Анатолий. Томский.

Следуя совету Данилы, группа расположилась в одном из кабинетов.

Юрий и Толик занялись раной Лехи. Когда тот снял костюм химзащиты и вязаный, весь в дырах свитер, под ним обнаружилась белая футболка, на которой едва различалось изображение бородатого мужика с гитарой и надпись «Гражданская оборона».

– Почему оборона? – не смог сдержать любопытства Томский.

– Панки когда-то организовали музыкальную группу, «Гражданская оборона», или просто – «ГрОб», – ответил Кипяток. – Ой! Больно!

– Терпи, казак, атаманом будешь.

Пока Юрий и Толик перевязывали Лехе рану, Носов и Громов соорудили костер. Огонь развели на обломке бетонной плиты, рухнувшей с потолка. Дровами послужили остатки громадного письменного стола.

Когда в котелке забулькал грибной чай, стало совсем уютно. Томский протянул Лехе кусок вяленой свинины.

– Ну, рассказывай все по порядку.

– Я из Троицка. Там у нас поселение. Община. Называет-

ся «Хелтер Скелтер»³. Нас человек триста. Женщины, мужчины, дети... Живем в подвалах. Питаемся... Ну, в основном грибами. Были консервы на продуктовом складе, но закончились. Собираемся разводить свиней. Меня и четырех парней отправили в Метро, чтобы купить...

Леха опять всхлипнул, но подавил рыдания и принялся яростно двигать челюстями, пережевывая мясо.

– Он говорит правду, – сообщил Вездеход, выглядывая в оконный проем. – Во дворе его поросята валяются...

– А с чего мне врать? Не украли мы их... Купили. Расплатились. Собирались к себе в Троицк возвращаться, а тут...

Из рассказа Лехи выходило, что группа численностью в пять человек была откомандирована в Москву для покупки свиней. Сделка прошла благополучно, а потом гости заметили, что за ними следят. Люди в черном почти не скрывались и следовали за троицкими по пятам. Те решили выйти на поверхность, чтобы оторваться от преследователей, но далеко уйти не удалось: люди в черных комбинезонах и белых противогазах настигли группу у здания МУРа и принялись методично расстреливать. Раненому Лехе удалось спастись, взобравшись по пожарной лестнице на второй этаж здания. Все его друзья погибли...

– С этим все ясно, – кивнул Томский. – Пей чай, Леха. Набирайся сил. Рана твоя не опасная: пуля скользнула по реб-

³ Helter Skelter («Кавардак») – композиция «Битлз». Одна из немногих песен группы в жанре хард-рок.

рам.

Вездеход поманил Толика пальцем, и когда тот подошел, прошептал:

– Работа Невидимых Наблюдателей... Белые противогазы – их отличительный знак. Вот почему Леха принял нас за них.

– Я уже догадался, Коля. Эти козлы не хотят, чтобы в Метро приходили посторонние. Троицких уничтожили потому, что никто не должен знать о поселениях людей за пределами МКАДа. Тайное правительство засекретило эту информацию. Ладно, пойдем послушаем про Троицк.

– А что мутанты? – продолжал говорить Леха, прихлебывая чай. – У нас с ними что-то вроде перемирия. Мы не трогаем их, они – нас. У каждого свое время. Они охотятся ночью, мы возделываем свои плантации днем...

– Грибы растите на поверхности?! – удивился Данила. – А как же солнечный свет, радиация?

– Не скажу, что фон полностью нормализовался, но в целом... Я в этом не очень-то хорошо разбираюсь, но наши ученые считают, что радиация влияет на урожай положительно. Воду мы очищаем. Построили для этого специальную станцию. С транспортом вот только плохо... Но и эту проблему скоро решим. Пару старых «Жигулей» уже удалось переделать под газогенераторные движки.

– Газогенераторные? – Корнилов пошевелил угли костра обломком доски. – На дровах, что ли, ездите?

– Ага. Мы эти тачки так и называем – газгены. Засада, правда, с запасными частями. Подходят для газгенов только детали от старых марок. Собирались кой-чего в Метро прикупить... Теперь – ни-ни. Больше в этот гадюшник не сунемся. Лучше уж по соседним городам искать что-то подходящее будем.

– А старший у вас есть? – поинтересовался Анатолий. – Или коллегиально управляете?

– Кол... Коллегиально? Это как?

– Все разом. Ну, общим собранием.

– Старший... Есть. Но он не командует, а советует. И всегда оказывается прав. Его зовут Сид. Это замечательный старик!

– Почему Сид?

– Он – панк. А еще у нас есть хиппи. Мы стараемся быть сами по себе. Ни во что не вмешиваемся. Пытаемся дружить со всеми. И с людьми, и с мутантами. Но, как видите, это получается не всегда...

Леха замолчал, помрачнел. Втянул в голову в плечи. Очевидно, вспомнил о погибших друзьях.

Томский задумчиво смотрел на огонь. И так, жизнь за пределами МКАДа – не миф.

Все верно. Леха говорил о перемирии между людьми и мутантами. Так, наверное, и должно быть. Всю жизнь ему вбивали в голову мысль о том, что человечество доживает последние дни. Что на смену ему пришли новые, более приспособ-

собленные к постыжерной жизни существа. Что о сотрудничестве между людьми и мутантами не может быть и речи, настолько они разные.

И вот пацан из Троицка, который еще не разучился плакать, произнес слово, от которого все постулаты и железобетонные правила жизни в Метро рассыпались, как карточный домик. Перемирие. И пусть от этого слова за версту несет чем-то временным, оно все равно звучит как музыка. Перемирие, которое со временем может перерасти в обоюдовыгодное сотрудничество.

А он так увлекся своей борьбой с большевизмом, что упустил из виду главного врага, задание которого сейчас выполняет. Хорошенько же его обработали!

*И с улыбкой безобразной
Он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
Вот и говоришь»⁴!*

Томский так погрузился в свои мысли, что прочел четверостишие вслух. Все смотрели на Толика с удивлением. А он, немного смутившись, улыбнулся.

– Чего уставились? Николай Гумилев. Вот что, Леха. Если хочешь поквитаться за гибель друзей, можешь идти с нами.

⁴ Н. Гумилев, «Оборванец».

Глава 6

Георгий Победоносец и Змей

Томский спустился на первый этаж и сразу почувствовал неладное. Что-то было не так. Точнее – чего-то не хватало. Исчезли манекены. Толик вышел на крыльцо, спустился на тротуар. Заглянул во двор. Манекены оказались там. Взявшись за руки, они водили хоровод вокруг постамента с бюстом, лишенным головы.

– Чушь собачья, – пробормотал Толик. – Сон...

И он действительно проснулся.

Костер потух. Красным светились подернутые золой угли. Громов, Леха Кипяток и Вездеход спали. Корнилова на месте не было. Толик подошел к окну. Всматриваясь в серый московский пейзаж, он строил планы на будущее.

Встреча с Лехой Кипятком изменила все. Они больше не нуждаются в услугах тайного правительства для того, чтобы выбраться из Метро – спасенный ими Кипяток приведет их в Троицк. Так стоит ли рисковать и идти в Кремль? Стоит. Невидимые Наблюдатели не отстанут от них, но теперь книга будет их козырем, гарантией. Правительство получит ее только тогда, когда он будет уверен в том, что с ними не расправятся так же, как с жителями Троицка. А может... Не получит вообще!

Юрий вернулся возбужденным.

– А это интересно, Толян! – воскликнул он. – Музей почти не тронут. Пылищи и паутины...

– Да тихо ты! Спят же...

– Ага. Пыли и паутины полно, но... Сколько здесь всякой хрени! Фотографии бандюганов, оружие и инструменты их... Сверла, отмычки. Клише фальшивомонетчиков. Я «маузер» нашел. Жаль, что для стрельбы непригоден. Убойная, я тебе скажу, штука. А еще наручники всякие... Даже кандалы. Ну и медалей-орденов разных полно... Хочешь, награжу тебя нагрудным знаком «Почетный сотрудник МУ-Ра»?

– Ага. С закруткой на спине. Скоро стемнеет. Так берем Кипятка с собой?

– А че не взять? Пригодится. Пусть вон огнемёт потаскает, а то у меня уже спина ноет.

– Он ранен, Юра.

– Да я пошутил...

– А чего это он там плел про панков и хиппи?

– Были такие движения. Видел картинку на футболке? Это – Егор Летов. Патриарх русского панк-движения. А Сид этот, думаю, себе прозвище взял в честь Сида Вишеса⁵ из «Секс Пистолз». Тот тоже панком был, только в Англии. Для панков главное – независимость. Хиппи – тоже за свободу. И за мир. Пацифисты... «Занимайтесь любовью, а не войей»

⁵ Джон Саймон Ричи, более известный как Сид Вишес (Злобный Сид), – британский музыкант, басист панк-рок-группы Sex Pistols.

те» – так они говорили.

– А ты откуда про них знаешь?

– Жил до войны у нас во дворе один панк. Весь в коже ходил, с ирокезом. Нас, пацанов, вино пить учил. На гитаре тренькал. Всего пару аккордов умел, но... Знаешь, Толян... Дело тут в другом. Надрыв – вот что главное. И идея. Пусть на все сто утопическая, но идея!

– Выходит, анархисты тоже панки?

– Ну... В какой-то мере. Да.

– А этот Хер...

– Хелтер Скелтер, – рассмеялся Корнилов. – Песня битлов. Про аттракцион. Горки. Вверх-вниз. Опять вверх и снова вниз.

– Знаешь, Юра, а я, пожалуй, в Троицк переселюсь. Как ты сказал? Занимайтесь любовью, а не воййте? Красиво!

– Там видно будет, кто и куда переселится. А пока... Оставим небо птеродактилям, а сами земными делами займемся. Кремль все-таки у нас на повестке дня.

– Ага. На повестке ночи. Пора собираться.

Когда Корнилов и Томский вернулись в кабинет, Вездехода там не было, Шестеры – тоже. Они появились через несколько минут.

– Я во дворе был. Там только туши свиней, – сообщил Носов. – От троицких если что и осталось, так только пятна крови. Те, кто их пострелял, трупы с собой унесли. И еще. Свиней не застрелили. Их разрубили. Пополам. Причем од-

ним ударом. Саблей работали или...

– Катаной? – подхватил Толик. – Думаешь, здесь побывал твой дружок? Обворожительный Добровольский?

– Не знаю, – пожал плечами Носов. – Но допускаю такую возможность.

– Он просто нашел себе хорошую работу, – задумчиво произнес Томский. – Та у него работенка... Сдается мне, с этим парнем мы еще схлестнемся.

Сумерки превратились в полноценную темень сразу. Анатолий давно не бывал на поверхности, но сразу вспомнил, что именно так, без плавных переходов и серых полутонов, приходит московская постъядерная ночь со своими неизменными спутниками: мраком, ползущим из лабиринтов руин, тяжелыми облаками, упорно норовящими закрыть собой луну, и звуками... Всхлипами, стонами, клетотом, лаем и ревом.

Люди всегда видели во всем этом только одно – угрозу. А если посмотреть с другой стороны? Разве человеческий язык не кажется мутантам странным? Быть может, он тоже вызывает в них чувство тревоги. Желание защищаться...

Двадцать лет речи людей заканчивались для детей радиации только одним – звуками выстрелов. Болью, смертью. Что после этого должны были делать мутанты? Угощать бывших хозяев планеты их любимыми конфетами – батончиками? Нет. Они вынуждены были убивать в ответ. Защищаться. Кто из них убил первым? Каин-человек или Авель-мутант? Том-

ский был готов биться о заклад, что первым это сделал человек, а мутанты лишь ответили, руководствуясь принципом «око за око». А почему нет? Они тоже – божьи твари. Просто другие.

И что теперь? Перемирие? Не все так просто. Понадобится время, много времени, чтобы вражда поутихла. А до полного взаимопонимания очень далеко. Но это вовсе не означает, что делать для урегулирования затянувшегося конфликта ничего не надо. Каким будет первый шаг Томского? Тут все ясно. Он должен помешать тем, кто против диалога. Тем, кому выгодно культивировать вражду и насаждать ненависть.

– А куда мы пойдём? – проснувшийся Леха потянулся и зевнул.

– В Кремль, сынок, – ответил Громов.

– Оба-на! В Кремль?! Да я о таком и мечтать не мог! В Кремль! Будет что рассказать своим! Вот это настоящее приключение! Я готов, бляха-муха!

– Не нравится мне твое игривое настроение, – покачал головой Данила. – Если ты не в курсе, то оттуда возвращались лишь единицы. Счастливики.

– А мне везет! – Кипяток вскочил и принялся застегивать комбинезон. – Удача любит смелых! Тех, у кого яйца стальные!

– Ну-ну, везунчик со стальными яйцами, – усмехнулся Корнилов. – Свиной ты уже купил. С твоим везением лучше сразу в гроб. Молчал бы уж...

– Да пошел ты!

– А ну, успокоились! – рявкнул Томский. – В первую очередь это тебя, Кипяток, касается. Ты пока не в общине хиппи, и о равноправии в этом походе забудь. Здесь командую я. Если тебе это не по душе, можешь валить на все четыре стороны.

– Понимаю. Подчиняюсь.

По лицу Кипятка было видно, что понимание дается ему с трудом и подчиняться для его свободолюбивой натуры – в лом.

После этой перепалки собирались в дорогу молча.

Выйдя наружу, Громов не останавливался для того, чтобы сориентироваться. Он уверенно шел вперед, поглядывая вверх. Вскоре Томский понял, что ориентиром Даниле служит высокая колонна, которая рельефно вырисовывалась на фоне ночного неба.

– Мы идем к этому памятнику?

– Ага, – кивнул Данила. – Прямо у его подножия есть люк, через который мы спустимся в подземелья Неглинки.

Толик всмотрелся в колонну, но различить то, что было на ее вершине, никак не мог. Громов понял это и пояснил:

– Памятник погибшим милиционерам. Когда-то наверху был Георгий Победоносец, протыкавший копьём Змея. Теперь остался только Змей.

После этих пояснений Томский, наконец, смог рассмотреть то, что венчало колонну. От святого Георгия остались

только ноги, из которых торчала согнутая арматура и нижняя часть копья, воткнутого в Змея.

– Что-то не так, – Громов вдруг остановился. – Что-то не так...

– Что не так? – Анатолий снял с плеча «калаш». – Данила, не молчите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.